

**СПЕЦНАЗ
ВДВ**

Сергей ЗВЕРЕВ

**КРЕСТОВЫЙ
ПЕРЕВАЛ**

Сергей Иванович Зверев

Крестовый перевал

Серия «Спецназ ВДВ»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=426392
Крестовый перевал: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-44307-9

Аннотация

Боевые десантники-спецназовцы Павел Белозеров и Андрей Ткач когда-то вместе служили, были друзьями. Потом Андрей пропал без вести в Чечне, а Павел продолжил службу в ВДВ, не вылезая из самых горячих командировок. Но никогда не забывал он о семье друга – заезжал, навещал его родных и близких. Однако на этот раз его визит омрачен странными событиями. Сначала бесследно пропадает младший брат Андрея – классный компьютерщик и хакер. Чуть позже пуля ранит бывшую невесту Андрея. А на самого Белозерова неизвестные ни с того ни с сего открывают настоящую охоту. Но Павел – настоящий боец и не привык пасовать перед обстоятельствами. Он выходит на злоумышленников – и понимает, что разгадка тайны кроется в чеченских горах...

Содержание

Часть I	4
Глава первая	4
Глава вторая	18
Глава третья	33
Глава четвертая	49
Глава пятая	65
Глава шестая	75
Часть II	93
Пролог	93
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Сергей Зверев

Крестовый перевал

Часть I

Отпуск

Глава первая

Россия, Краснодарский край

Наше время

Трассу, соединяющую Ставрополь с Краснодаром, немного подлатали. Вероятно, сейчас, «в свете исполнения корпорацией «Олимпстрой» исторических решений членов Политбюро «Единой России», эта дорога вдруг стала нужной и важной.

Что ж, пусть так. Лишь бы было, потому что по-другому: нормально, по-деловому, без авралов, позерства и саморекламы – наши пока не умеют.

Сегодня моему подразделению предстоит нормальное мужское занятие или, как принято выражаться в нашей десантно-штурмовой бригаде, «работа по специальности». Дело в том, что после трагедии в пермской «Хромой лошади» господа пожарники из МЧС ринулись с проверками по клубам, кафе, ресторанам и прочим заведениям, где народ любит тусоваться в большом количестве и дергать конечностями в такт орущей музыке. Рейды с проверками, естественно, выявляют большие и малые недостатки. Как следствие – постановления о закрытии, а в лучшем случае – письменные замечания, предписания об их устранении в такой-то срок... Все это влечет потерю прибыли и закономерное негодование коммерсантов. А негодование, как известно, иногда выливается в рукоприкладство и прочий мордобой. Потому нас и взяли использовать в качестве весомого довеска к непроницаемым служителям Фемиды, торжественно именуя себя «судебными приставами». Под тяжелыми взглядами моих широкоплечих орлов коммерсанты шалить перестали и попритихли. В общем, реакция стала адекватной, но нам сия работенка по охране бабского и инфантильного мужского контингента все равно не нравилась. Не по нашему профилю эта работа, не для спецназа ВДВ...

А сегодня, стало быть, мчимся из Ставрополя в город Кропоткин. Едем отрабатывать по специальности – обезвреживать четверых ублюдков, за три дня до того расстрелявших пост ДПС на трассе «Дон». Это уже настоящее дело.

Ребята из «конторы» расстарались: оперативно вычислили место отсидки бандюков с точностью до подъезда в десятиэтажном доме, обеспечили нас приличными машинами. Брать уроков в спальном райончике, расположенном на бойковой улице Красной, по соседству с лицеем, детским садом, аптекой и кафе, мы не решились. Обмозговав, предложили другой план. А начальство, для порядка приукрасив его генеральскими фантазиями, согласилось.

Едем на двух больших внедорожниках с наглухо тонированными стеклами. Сзади едва поспевают две бело-голубые «пятерки» дэпээсников с краснодарскими номерами – для них в нашем плане отведена небольшая, но важная роль.

Теперь сам план: марка машины, на которой бандюки приехали в Кропоткин и на которой, скорее всего, уедут, – нам известна. Это потрепанная «десятка» черной масти. Во дворе дома установлено круглосуточное наблюдение – ни один интересующий нас объект мимо не проскочит. Даже в том случае, если они попробуют рассосаться поодиночке, пешком и переодевшись. Устраивать маски-шоу во дворе, где полно машин, по лавкам вечно сидят бабки и с визгом носится детвора – тоже опасно, поэтому будем брать козлов на дороге. От дома имеется два выезда: западный и восточный. В центре двора магазин и уличное кафе, где «контора» расположила своих глазастых агентов и ждет лишь появления бандитов из подъезда. Отследив направление их движения, коллеги немедленно сообщат нам. Ну, а мы обязаны заранее

занять удобную позицию для захвата и ждать...

За пару кварталов до места делимся на три группы: внедорожники встают в теньке, у небольшого проулка. Одна милицмейская «пятерка» занимает пост на Красной возле налоговой инспекции – это восточнее нужного дома метров на триста. Сотрудники другой машины организуют дежурство по выборочной проверке документов немного западнее – ближе к крупной автомобильной развязке.

Мы уверены: четверка бандитов постарается выбраться на трассу Ростов – Владикавказ и прорваться по ней на юго-восток – как можно ближе к Чечне, Ингушетии или Дагестану. Вряд ли у них есть другой план, поскольку именно там плодятся обкуренные мстители и, словно тараканы, расползаются по стране для свершения своих «подвигов»...

* * *

Кропоткин хорош во всех отношениях. Тихий, утопающий в зелени садов райцентр на восемьдесят тысяч жителей. Шесть вузовских филиалов, чудесный Покровский собор и крупная железнодорожная станция. Город равноудален от Краснодара и Ставрополя, круглый год – прекрасный мягкий климат. Хотя бандитами этот чудный населенный пункт наверняка выбран по другим соображениям.

Во-первых, здесь проживает кто-то из их сообщников или единомышленников. Во-вторых, городок достаточно велик, чтобы

его жители обращали внимание на каждого незнакомца, и в то же время достаточно мал для наличия мощных силовых структур, способных исправно отслеживать всех залетных горцев. И наконец, Кропоткин попросту оказался на пути бандитов, удиравших с места преступления.

На тенистой стоянке из машин не выходим – незачем своим видом распугивать мирных граждан. Я разрешаю слегка опустить тонированные стекла, чтобы не задохнуться от табачного дыма. Однако выкурить по сигарете не успеваем – в моем нагрудном кармане шипит рация:

– Палермо, ответь Орлану!

– Да, Орлан – Палермо на связи.

– Срочно двигай к восточному посту. Как понял?

– Понял! – Толкаю в бок водилу: – Заводи! – Для надежности переспрашиваю: – Орлан, это у налоговой?

– Да-да! «Десятка» с четырьмя пассажирами выехала со двора и повернула к налоговой...

Яснее некуда. От нашей позиции до восточного поста – два квартала.

Первый джип, в котором еду я, должен немного оторваться от второго.

Отрываемся.

– Вон они, – вглядывается вперед мой водитель.

– Где?

– Через три машины.

Все верно – через три машины в потоке едет темная «де-

сятка». Едет аккуратно – на правила бандюкам сейчас плевать не резон.

И мы аккуратно – никаких резких и подозрительных телодвижений: следуем точно в потоке, попутных автомобилей не обгоняем. Куда нам спешить?..

На ближайшем перекрестке разделяющие нас машины сворачивают с трассы на поперечную улицу, и мы следуем за черной «десяткой». Это они – сомнений быть не может – регистрационный номер нам успели сообщить фээсбэшники.

Держим дистанцию в тридцать метров и приближаемся к восточному посту ДПС.

– Готово, – цедит сидящий сзади старшина Павлов – мой давний боевой товарищ по кличке Бивень.

Несгибаемый, надежный Бивень комментирует ленивый взмах полосатой палочки, приказывающей черной легковушке остановиться. Два безоружных дэпээсника неплохо справляются со своей ролью: лениво слоняются по пыльной обочине и выглядят вполне безобидно. Да и ситуация заурядная – из разряда профилактических проверок. Поэтому «десятка» моргает поворотником, принимает вправо и спокойно тормозит.

Сработало.

Бандитским водителем занимается сержант милиции. Второй мент – младший офицер – согласно задумке машет палкой нашему внедорожнику.

Мы останавливаемся впереди «десятки» – так, чтобы, в

случае чего, она не смогла одним движением рвануть дальше по трассе. Мои ребята на другом внедорожнике заезжают на тротуар, не доехав до восточного поста сотни метров. Они наблюдают в четыре пары глаз, слушают рацию и контролируют ситуацию с помощью трех «Винторезов» с хорошей оптикой. Старший второй группы – капитан Лешка Топорков одет в гражданку. У него тоже имеется автоматическая винтовочка с убойными боеприпасами, но сегодня он обойдется без нее.

Сержант вальяжно подходит к «десятке», представляется. Глядя вслед проносящимся мимо авто, просит предъявить документы...

Ознакомившись с ними, о чем-то говорит с водителем. Улыбается, кивает. И опять озирается на проезжающие машины... Хорошо играет – непринужденно, правдоподобно.

Наконец – апофеоз. Офицер, остановивший нашу машину, тоже делает вид, будто занят проверкой документов и внешним осмотром нашего солидного авто. Потом машет напарнику и зовет его. Сержант с правами водителя черной «десятки» делает несколько шагов в сторону...

Нарочито громкий диалог меж дэпээсниками длится несколько секунд. Офицеру нужны два понятых для проведения досмотра внедорожника – дескать, его владелец требует все сделать согласно букве закона.

Сержант возвращается к «десятке» и просит водителя помочь. Дело-то плевое, не отнимет и минуты: показаться

несговорчивому законнику и расписаться в протоколе.

После короткой паузы кавказец нехотя выбирается из салона, мельком оглядывается по сторонам и вместе с сержантом направляется к нам.

Это сигнал Топоркову. Он должен быть где-то рядом – в трех шагах.

Все сидящие в нашей машине в полной готовности.

Сзади раздается громкий хлопок – Леша Топорков закинул в салон «десятки» шумовую гранату.

Оглашаю салон привычной командой:

– Работаем!

В одну секунду мы оказываемся под палящим солнцем: те, что с левого борта, навалились на водителя-кавказца; я с Бивнем в три прыжка оказываюсь у «десятки». Здесь же и Топорков.

Двое из второго внедорожника обязаны держать ситуацию на прицеле – это наше старое отработанное правило. По большому счету, оставшиеся в «десятке» приговорены нами к смерти. Это означает, что если операция в какой-то момент сорвется и пойдет наперекосяк, то мои снайперы хладнокровно изрешетят из «Винторезов» бандитскую машину до состояния изъеденного молью шерстяного носка. Расстреляют, как учил товарищ Берия – без лишних церемоний. Собственно, потому сержант заранее и выманил из темной легковушки водителя. Его одного вполне достаточно для дачи показаний в Федеральной службе безопасности о терро-

ристическом акте на трассе «Дон», а нам – для отчета об успешно проведенной операции.

Короче, обошлось почти без эксцессов.

Три пассажира сами вываливаются из «десятки» – оглушенные, задыхающиеся и орущие от страха за свои жизни. Двоих – мордами в асфальт, руки в наручники. Третий, стреляя во все стороны из пистолета, стремглав бросается сквозь автомобильное движение через дорогу.

Крутанувшись, я присаживаюсь на колено, вскидываю автомат, совмещаю линию прицела с затылком угребка. И жду ровно одну секунду...

Кто-то из моих снайперов успевает сделать выстрел первым.

Готов. Убежал недалеко. Ноги кавказца несуразно заплетаются; тело складывается пополам и безжизненно шмякается на проезжую часть – аккуратно поперек разделительной полосы. И тут же по его башке с визгом покрышек пролетает какая-то иномарка.

– Не стоит бегать от снайпера – умрешь уставшим, – ворчу я, защелкивая наручники на запястьях лежащего «духа». Тот податлив и что-то ласково шепчет по-басурмански – верно, предлагает большие деньги или читает молитву...

Встаю, отряхиваюсь. Гляжу по сторонам – нет ли пострадавших от беспорядочной стрельбы. Кажется, нет. Прохожие напуганы: жмутся к домам и стараются скоренько проскочить место скоротечной перестрелки.

Резко скрипит тормозами машина с фээсбэшниками. Через пару секунд откуда-то появляется вторая, за ней останавливается «Скорая помощь»...

Дело сделано. В общем-то, хорошо. Если не сказать: стерильно.

Вечереет. Ищу взглядом координатора операции – генерала ФСБ. Пора докладывать о завершении операции и сматываться домой...

* * *

Мчимся по той же трассе в сторону Ставрополя. Дорога домой всегда веселее и воспринимается легче. Особенно после удачно выполненной работы.

Взятых кавказцев сдали на руки фээсбэшникам: трех здоровых и одного, еще тепленького. Мой снайпер слегка расстроился: целил в башку, а попал в шею. Те же фээсбэшники развернули свои навороченные машины, взамен подогнали наши старые «УАЗы». Мы люди не гордые, крутых из себя не корчим – что Родина-мать дала, на том и ездим.

Среди моих ребят потерь нет и это особенно приятно. Парни расслабились: кто спит, кто бездумно уставился на красивые пейзажи правобережья Кубани, подсвеченные оранжево-синими вечерними сумерками. Парням хорошо – приедут и завалятся спать. А мне еще сочинять письменный отчет, копию которого я пообещал генералу ФСБ выслать

электронкой к завтрашнему полудню.

Устало смотрю на бегущее навстречу дорожное полотно. Водила включил габаритные огни с фарами, но мощный ксеноновый свет все равно становится серым на новеньком асфальте...

Итак, согласно всем удостоверяющим мою личность документам я – Павел Аркадьевич Белозеров. Подполковник, заместитель командира отдельной десантно-штурмовой бригады. Русский, тридцати шести лет от роду. Высок, статен, сероглаз, на здоровье не жалуюсь. Большинство баб считает мою наружность располагающей. Возможно, так и есть – им виднее. Более всего ненавижу зависимость. Именно поэтому, почувствовав однажды, что основательно подсел на «палочки смерти», резко бросил курить и с тех пор дымлю в очень редкие моменты – когда очень хорошо или когда совсем плохо. По той же причине я никогда не пробовал наркотиков и спокойно отношусь к алкоголю. Как к лекарству: легко накачу стакан водки после боя или рюмку-другую «за свиданьице» с милой барышней. Для потенции, так сказать, и длительности оргазма.

Кстати, о барышнях. Не женат я до сих пор тоже из-за любви к свободе. И еще благодаря абсолютной убежденности в том, что деньги на шлюх, бухло, закусь и прочие «невинные мужские шалости» не должны скапливаться в кошельке одной-единственной женщины. Неправильно это. Они должны использоваться по своему прямому назначению.

Давным-давно, когда вода была мокрее, а сахар слаще, я окончил Рязанское десантное училище. А десятью годами позже – Военную академию имени М.В. Фрунзе. Всю сознательную жизнь, за исключением моментов ее нетрезвого восприятия, я готовил себя к борьбе с врагами Отечества: дрался, выживал, зализывал раны, умирал на тренировках Кочергина и Шеменёва, убивал, калечил сам и снова зализывал раны... Однако, как доказывает многолетняя практика, Родину гораздо труднее защищать от своих, нежели от чужих.

«Свои» ударными темпами разворовали закрома, потом затеяли чумовые реформы: образования, ЖКХ, судебную, административную... В довершение всего в пух и прах разгромили наши Вооруженные Силы. «Свои» – что тут скажешь...

Спору нет – реформы нужны. Только не такие, от которых молодежь тупеет и спивается, армия чиновников растет, а из настоящей армии людей гонят на улицу. Эти «свои» убивают военную науку: закрывают НИИ, академии и лаборатории. Гробят целые рода войск – от трех высших вертолетных училищ планируют оставить крохотный и единственный факультет в Краснодаре. Добрались и до элитных войск спецназа: одним росчерком пера уничтожена Бердская бригада, та же участь уготована и нашему соединению. Половину личного состава моей бригады сократили, оставшихся перебросили под Ставрополь ожидать приказа и приведения к новому штату. Чует мое сердце, что останется от бригады мень-

ше батальона.

Такие вот пироги с керамзитом.

Конечно, «маршал Табуреткин» тут ни при чем. Человек, «притянутый за уши» в руководство Вооруженных Сил из мебельного отдела Питерского военторга, не в состоянии замыслить ничего масштабнее смены гарнитура в своей приемной и ничего глупее заказа новой армейской формы у Юдашкина. Понятно, что по голове этого «плюшевого мишки» стучат сверху и каждым его движением рулит кукловод. Но людям-то от этого не легче...

Подъезжаем.

Глубокая ночь. В салоне темно и уютно. Внутреннее пространство лишь чуть-чуть освещается приятной подсветкой приборов. С заднего сиденья доносится жизнеутверждающий храп двух молодых бугаев. Спят так крепко, что нам с водилой завидно...

С трассы свернули полчаса назад и последние километры до гарнизона не спеша пробираемся по разбитой грунтовке. Торопиться нам некуда – в столовую к ужину опоздали, а до завтрака еще несколько часов.

Узнав наши машины, дежурный с КПП поднимает шлагбаум, и вскоре «УАЗы» тормозят у моего дома.

– Не забудьте сдать, – киваю на свое оружие с боеприпасами и пожимаю ладони сонным парням.

– Не забудем, командир. Не волнуйся, – сладко зевает старшина Павлов.

Бивень – человек слова. Сказал – сделает.

Машу рукой пассажирам второй машины и захожу в сумрачное нутро подъезда. Старые щербатые ступени двух лестничных пролетов. Второй этаж, слева – дверь со сломанной ручкой. Роюсь в кармане в поисках ключей...

И натыкаюсь взглядом на торчащую в щели записку.

Открываю замок, захожу в квартиру, включаю свет.

Разворачиваю листок, читаю: «Подполковнику Белозеру П.А. срочно прибыть в строевой отдел для оформления отпускного билета и проездных документов. Начальник штаба отдельной десантно-штурмовой бригады подполковник...»

– Какая прелесть. – Бросаю послание и достаю из холодильника початую бутыл. Хлопнув водочки, чешу сморщенный лоб: с одной стороны, отпуск – это хорошо. Родной город, мама, чистое постельное белье; два месяца беззаботной жизни с домашним борщом на обед и холодным пивом на завтрак. И опять же – отчет сочинять не придется. А с другой стороны, отпуск – жутко плохая примета.

«Почему?» – определенно, кто-то спросит меня.

А потому что долги по отпускам заставляют догуливать перед увольнением.

Глава вторая

Россия, Саратов

Наше время

Юрка Ткач готовился к архиважному делу.

Обычно насмешливое или откровенно издевательское выражение лица сменилось сосредоточенной серьезностью, взгляд горел азартом. Движения были нетерпеливы, но точны. В задумчивости он разгуливал по хорошо отремонтированной комнате, обставленной современной мебелью в стиле хай-тек; изредка присаживался на диван, хватал белоснежный ноутбук и торопливо стучал по клавишам. Потом откладывал компьютер, листал какой-то справочник и что-то записывал в блокноте. Затем вскакивал и опять нервно вышагивал от лоджии до запертой двери. Его тетка – Дарья Семеновна – пожилая, суетливая женщина, несколько раз робко стучала, звала обедать. Он морщился и, повысив голос, отказывался...

Юрка был беспринципным и циничным пацаном, рано лишившимся родительской заботы и ласки. Худенький мо-

лодой человек с темными непослушными вихрами и вздернутым носом. Мелковатость и щуплое телосложение, однако, не мешали ему быть отчаянно дерзким, неуступчивым и заводным. Завод, правда, действовал строго до определенного предела, в силу крайне низкого болевого порога. Ткач отлично учился в одной из сильнейших школ города, выигрывал олимпиады по математике, физике, информатике. Он очень любил точные науки и радовал старшее поколение надеждами. В положенный срок получил аттестат особого образца с золотой медалью и без экзаменов определился в престижный московский вуз на факультет информационных систем и защиты информации. Начав учебу в столице, Юрка по привычке погрузился в науку, причем серьезно, с головой и со всем ее содержимым. Но выдержки, увы, хватило ненадолго – Москва не тихая провинция: бешеный темп жизни, широчайшие возможности, космические цены. Стипендия хоть и звалась «повышенной», но вызывала только усмешку...

Внезапно в тишине запищал мобильник.

– Да, – приглушенно ответил Юрка. Выслушав абонента, кивнул: – Понял-понял. Как у вас? Ага... А с формой? Ясно. Да... Немного осталось. Почти. Масло поменял? Отлично... Нет, сейчас поеду. Давай, до связи...

Телефон мягко упал на диван. Ткач вздохнул, сладко потянулся, глядя в залитое солнцем окно, и отправился на кухню обедать...

Своих детей у Дарьи Семеновны не было. Видимо, поэтому после смерти родной сестры она без раздумий забрала к себе одного из племянников. Старший – Андрей к тому моменту успел получить офицерские погоны, а вот Юрия органы опеки и попечительства могли определить в интернат. Позже, когда Андрей пропал без вести, она изрядно сдала, но нашла в себе силы оправиться от горя. Надо было жить ради младшего. Впахивая бухгалтером в трех организациях, тетя раз в месяц отправляла в Москву немалый, по меркам Саратова, денежный перевод. Этих средств юному дарованию хватало на скромный ежедневный ужин в дешевом кафе и на самый незамысловатый прикид китайского производства. А вокруг кипела такая сладкая жизнь! Сокурсники регулярно устраивали попойки, хорошо одевались, встречались со смазливymi телками, кое-кто из парней гонял на дорогих тачках...

В течение первых двух лет учебы Юрка старался подрабатывать относительно честными способами. К примеру, решал за приятелей контрольные и курсовые, выполнял сложнейшие трехмерные чертежи в навороченных компьютерных программах. Нет, на протяжении первого семестра он помогал безвозмездно – в качестве дружеской помощи. Потом жизнь прижала. А сильнее всего кольнула самолюбие фраза одной симпатичной девчонки, которую он пригласил посидеть в кафе. Своих денег рассчитаться за посиделки ему не хватило – подружка употребляла исключительно дорогие

напитки. Протянув Юрке тысячную купюру, она ехидно бросила:

– Ума нет – считай копейки...

Это было очень обидно! Уж чего-чего, а ума у него было с избытком.

После тех посиделок он всерьез призадумался и очень скоро раскрыл секрет успеха. Взрослые в далеком детстве учили: трудись, Юрочка, не покладая рук, и обязательно добьешься уважения и достатка. «Бред! Чистой воды бред!» – решил он про себя и начал искать способы, чтобы как можно меньше работать и как можно больше получать. Порвав с «чистоплюйством», он стал действовать по принципу: «Чем умнее человек, тем честнее и виртуознее он должен обманывать окружающих».

Иногда, изрядно осерчав с голодухи, он наказывал туповатую «золотую молодежь» с особой изощренностью, бросая свои математические способности на суконные поля карточных сражений. Никакого зеленого сукна в общаге, конечно, не водилось, но азарта от этого у молодых студентов не убавлялось. А Юрке – игроку от бога – азарт соперников был только на руку. Щуплый гроссмейстер в непревзойденной и элегантной манере «раздевал» кого угодно: и начинающих первокурсников, и середнячков, и мастеров с последнего этажа общаги, где обитали аспиранты. Лафа, правда, закончилась быстро. Где-то к середине второго курса народ осознал недосыгаемость его класса игры с невозможностью

реванша и стал играть с ним только в приличном подпитии, когда чувство самосохранения засыпало, свернувшись клубочком в дальнем углу. И нищему Юрке опять приходилось тренировать изобретательность...

Однажды по коридору общаги промчался сынок банкира Брагин. Заглядывая в нужные комнаты, он оповещал:

– Парни, Ткач нажрался! Сидит на кухне пьяный в жопу!..

Это была великолепная новость. Считая человеческие слабости первопричиной всех неудач и принципиально не поддаваясь вредным привычкам, Юрка не курил, никогда не прикасался к наркоте и практически не пил. И вдруг пьяный в хлам!

На кухню тотчас отправилась делегация реваншистов.

Уговаривали долго. Юрка икал, пускал слюни, бормотал что-то несвязное, дважды чуть не упал с подоконника и, мотая башкой, наотрез отказывался играть. Реваншисты напирали. Особенно упорствовал Брагин, льстиво уверяя, что великим игрокам стакан водки – не помеха...

Юрка долго сопротивлялся, но, в конце концов, сдался. Его дотащили до стола, усадили; торопливо начертили таблицу. Едва не засыпая, пьяный гроссмейстер предложил партнерам расписывать пулю по минимальной, почти детской ставке. Но где там! Не для того богатые отпрыски все это затевали! В результате перед стартом игры цена за вист была установлена на дьявольски высоком уровне.

Раздали карты. Ткач взял свои, сел поудобнее на стуле и...

ласково оглядел партнеров.

И в этот миг партнеры с ужасом обнаружили за столом совершенно трезвого товарища, не имевшего ничего общего с тем аморфным телом, которое он весьма правдоподобно изображал минуту назад. Сейчас перед ними сидел расчетливый, сосредоточенный и безжалостный боец.

– Раз, – ровным голосом объявил Юрка.

И последовала жуткая карточная бойня, какой еще не бывало на факультете информационных систем и защиты информации...

* * *

Покончив с обедом, Юрка поблагодарил тетю Дашу, вернулся в комнату и вставил в белый ноутбук флешку. Перекинув на нее с десятков файлов, переоделся, схватил мобильник и выскочил из дома.

На углу Московской и Рахова ему пришлось простоять минут десять, прежде чем рядом затормозила новенькая белая «Шевроле Нива».

– Привет! – довольно глянул поверх темных очков давний дружок Базылев – полноватый молодой человек с вечным румянцем на щеках и бесцветным бобриком на голове.

Юрка сел рядом.

– Здорово.

– Эскизы сделал?

– Yes it is. Гони к Башке в типографию...

Пробившись сквозь жуткие пробки, «Нива» подъехала к бывшему «Полиграфкомбинату». Подкинув и ловко поймав флешку, Ткач хитро подмигнул товарищу и отправился на встречу с Башкой – неуклюжим увальнем, изредка, во внеурочное время, выполняющим за хорошие бабки левые заказы...

Мы, русские, подчиняемся правилам и законам лишь в той степени, в которой нас к этому принуждают. Не более. Вот и Ткач решил пересмотреть некоторые постулаты, «инфицировавшие» его организм вместе с материнским молоком. Ему было жутко стыдно перед образом пожилой матери, ни разу в жизни не позарившейся на чужое, совестно перед памятью старшего брата – капитана спецназа, героически погибшего в горах Кавказа близ грузинской границы. Однако нищета с постоянно ноющим от голода желудком вконец измучили его.

Впервые он свернул с прямой дорожки на втором курсе, когда народ стал шарахаться, заведя в его руках колоду игральных карт. Поднаторев к тому времени со взломом нехитрых кодов, записанных на магнитных полосках банковских кредитных карт, Юрка насобачился обчищать счета рассеянных студентов-первокурсников. Сделать это было просто: стипендии перечислялись на вышеозначенные карточки, а их беспечные владельцы частенько хлопали ушами. Оставалось только раздобыть пароли...

Приворачивать у товарищей было делом противным, а главное – опасным. При определенных обстоятельствах работчика и главного исполнителя могли схватить за руку. И не сотрудники правоохранительных органов, а сами однокурсники, что грозило болезненным судом Линча.

В общем, пораскинув мозгами, Юрка уяснил еще одно правило: результаты его усилий должны с лихвой оправдывать риск провала. Потому с кражами крохотных студенческих стипендий он решил раз и навсегда завязать. И вправду – сколько можно заниматься ерундой?..

Через пару месяцев подоспело предложение «инициативной группы товарищей» принять участие в потрошении банкомата на территории соседнего НИИ. Ткач нутром ощущал идиотизм затеи, но перебороть себя не смог. Ночью компания из семи человек вооружилась крепкими инструментами и отправилась на дело. Около четырех утра они проникли за забор режимного объекта и раскурочили правую нижнюю часть банкомата, где покоились лотки с купюрами. В целом операция удалась, хотя суммой завладели отнюдь не астрономической – после подсчета и дележа на каждого вышло около ста двадцати тысяч. За тяжелой ночью последовало нервное утро и не менее напряженный день...

С неделю Юрка не прикасался к своей доле и ожидал появления в общаге ментов или целой опергруппы.

Пронесло. Но он зарекся участвовать в групповых делишках.

Юрка вернулся из «Полиграфа» минут через тридцать.

– Чего так долго? – взволнованно прошипел Базылев.

– Долго?! Скажи спасибо, что за полчаса управился!

– Башка не хотел брать заказ?

– Он не любит работать с пластиком и не соглашался помочь, пока не я не показал аванс наличными.

– Фу-ух. Значит, напечатает?

– Сделает, – уверенно кивнул Ткач. – Только сомневается насчет сроков. Поехали отсюда...

«Нива» плавно тронулась в сторону центра. Стараясь избегать пробок, Базылев лавировал по узким саратовским улочкам и молча курил.

– Ты чего такой хмурый? – прервал паузу Юрка.

– Не... Я счастлив, как дегустатор с ликеро-водочного завода. Ведь скоро все изменится, правда?

– Писаться от радости пока рановато, но и расстраиваться – не вижу повода. А счастливы будем, когда вернемся.

– Из Москвы?

– Баз! – недовольно посмотрел Юрка на друга.

Вспомнив об уговоре не называть имен, названий населенных пунктов и прочих «говорящих» деталей из предстоящей операции, тот скорчил виноватую рожу.

Ткач дал себе слово больше никогда не участвовать в

групповых преступлениях. Во-первых, чем больше народу задействовано в деле, тем больше вероятность утечки информации. Во-вторых, это было чертовски опасно. В-третьих, за групповые преступления давали гораздо больший срок.

Но так уж случилось, что вскоре позвонила тетя Даша и сквозь слезы поведала о несчастье с Андреем. Потом закончились экспроприированные у банкомата деньжата, наступила суровая зима... В общем, пришлось вновь напрягать темными замыслами светлую головушку. Ведь чтобы удобно жить, надо просто работать. А чтобы быстро разбогатеть и жить хорошо – надо шевелить мозгами совсем в другом направлении.

И Ткач организовывал, подкупал, блефовал, спекулировал и изобретал... Фантазия всегда была движущей силой в его жизни. Люди с удовольствием включались в придуманную им игру и даже благодарили, не замечая, что работают на него. У Юрки же появлялись свободное время и кое-какие средства, которые он с удовольствием тратил на воплощение своих желаний. Но все это были цветочки. Ягодки созрели к середине четвертого курса.

Несколько дней наш юный герой корпел над написанием собственной троянской программы. И в одно прекрасное морозное утро сервер известного московского банка, повинувшись алгоритму трояна, без боя сдал информацию о логинах и паролях клиентских кредитных карт. К слову, того самого

банка, где в совете директоров числился папаша сокурсника Брагина. Не теряя времени, гений информационных технологий скопировал логины на магнитные полосы заранее приготовленных карт, распечатал список паролей и бросился к ближайшей станции метро.

Полдня он мотался по окраинным районам столицы. Подыскивая банкоматы в относительно спокойных местах, Юрка пихал в них по очереди две-три карты, проверял состояние счета и тут же безжалостно их опустошал. Потраченные усилия окупились: в тот фартовый день он стал богаче на два миллиона восемьсот тринадцать тысяч. Рублевый барыш еле уместился в карманы джинсов и легкой спортивной куртки...

Простота и доступность технологии пришлись ему по вкусу, и молодой оболтус капитально подсел на «распробованный наркотик». А почему бы нет? Ведь отныне и ему стали доступны дорогие шмотки, навороченная машина, самые красивые телки с курса и походы с ними в крутые кабаки. Теперь не нужно было ждать перевода из Саратова, теперь он сам мог послать тете Даше денег. А самое главное — он не опасался за ненадежных партнеров, способных по пьяни разболтать о содеянном или совершить другую глупость. Этих партнеров попросту не осталось.

Отлично понимая, что с некоторых пор понятие приватности в Интернете стало анахронизмом, Ткач старался действовать осторожно: никогда не повторялся, с очисткой чу-

жих счетов от лишних денег не частил, а для выхода в сеть использовал интернет-кафе, расположенные в разных концах Москвы. Результат ошеломил: сотрудники Управления «К», равно как и хваленая банковская защита, были им легко обмануты.

Тем не менее закончилось все банально.

Как большинство талантливых людей, Юрка был до крайности наивен в простых житейских вопросах. Эта наивность и сыграла роковую роль: он отчего-то уверовал в то, что никто из сокурсников не догадывается, из каких недр и какими способами черпаются немалые средства. А зря...

Как-то раз на одной из пьяных вечеринок вдруг зашел разговор о ненадежности электронных систем безопасности. И тут Брагин случайно или с умыслом обмолвился о старом немецком сейфе, стоявшем в кабинете его папаша. Дескать, старшекурсникам компьютерного факультета ничего не стоит сочинить троянскую программку для получения доступа к закрытой информации, а вот справиться с таким сейфом – истинный подвиг! Ведь эта громадина наводит ужас одним своим видом: вес стальной двери – около двухсот килограммов, общая масса сейфа – под тонну; мудреный механизм замка имеет троекратную секретность...

Это была свежо и необычно. Азартный от природы Юрка в миг запал на идею попробовать силы в борьбе с механическим устройством. Пусть немецким и очень хитрым, но механическим, а не электронным.

Несколько недель он с упоением шерстил всемирную сеть в поисках подходящего материала; анализировал его и изучал с таким рвением, будто от этих знаний зависел цвет будущего диплома. Он нашел все, что было нужно, и даже потренировался в гараже у однокурсника, прадед которого приволок настоящий фашистский сейф с войны в качестве трофея. Сейф хоть и оказался небольшим, но сделан был на совесть и обладал стандартным набором фирменных немецких секретов.

Короче говоря, ровно через месяц Юрка отправился на дело.

Апартаменты старшего Брагина находились вне банка – мощного противодействия не предвиделось. Тридцати минут хватило, чтобы проникнуть на второй этаж охраняемого офиса, отключить простенькую сигнализацию и справиться с замком двери в кабинет. И около трех часов ушло на дебютный поединок с произведением настоящих немецких мастеров сейфового дела.

Он его открыл. И от мягко выехавшей из проема массивной двери внезапно испытал несравнимо больший трепет, чем от первой удачно написанной программы.

Ценностей внутри стального монстра не оказалось. На полках вообще не было ничего, кроме пары стопок старых бухгалтерских бумаг. Ткача это не расстроило – отныне он мог считать себя не только талантливым хакером, но и настоящим медвежатником.

Правда, радость от обретения столь уважаемой в криминальной среде специальности была недолгой – на выходе из кабинета его терпеливо поджидали охранники. Как позже выяснилось, Брагины догадывались, кто экспроприировал часть денег со счетов банка, и попросту заманили Юрку в заранее подготовленный капкан. Изыщненко, так сказать, отомстили...

Уголовное дело продвигалось быстро. А благодаря громкому процессу о новоиспеченном медвежатнике вскоре узнала вся Москва. Еще бы! Неслыханное меценатство! И столь же неслыханная дурость: взять и задаром вскрыть раритетный германский сейф, ключи от которого давным-давно потерялись, а несколько приглашенных ранее специалистов хором предлагали исключительно радикальный путь решения проблемы – мощный газовый резак.

В общем, он тогда здорово прославился. Но за славу пришлось дорого заплатить. Судебное разбирательство подытожил ледяной голос неприятной сухощавой дамы средних лет, одетой в черную судейскую мантию:

– Подсудимый Ткач Юрий Сергеевич признан виновным по статье 158, часть 4, пункт «в» Уголовного кодекса Российской Федерации «Кража, совершенная в особо крупных размерах» и приговаривается к отбыванию наказания в виде исправительных работ в колонии общего режима сроком на пять лет...

Пробираясь в сопровождении конвоя сквозь толпу к вы-

ходу из зала суда, Юрка больше всего боялся встретиться взглядом с тетей Дашей – единственным, близким человеком на этом свете. А среди сумбура в голове вертелась фраза из какого-то старого фильма про пионерский лагерь: «А чо вы здесь делаете? А? Кино-то уже кончилось!..»

Глава третья

Россия, Саратов

Наше время

Пока все складывается идеально. Собираясь пару дней назад со своими орлами в Кропоткин, я и предположить не мог такого скоротечного сценария. Вернувшись, переночевал в служебной квартирке, поутру явился на общее построение, после которого в приватной беседе с командиром услышал лестное пожелание отправляться на все четыре стороны – в отпуск.

– Неужели все так плохо? – интересуюсь я на прощание.

Сергей Ильич горько усмехается.

– Вчера весь день донимали звонками из штаба округа: сначала приказали отправить в отпуска треть личного состава, потом подкорректировали до половины... Короче, отгуляешь из заместителей первым. Вернешься и останешься за меня. Добро?

– Куда ж мне, смертному, деваться? Мужик ты, Сергей Ильич, отличный – сколько бы я ни обращался по личным

вопросам, ты никогда не отказывал... Добро, – жму его широкую ладонь. – Пошел собираться.

Отчет для фээсбэшников я заставил сочинять Топоркова. С головой Лешка дружит – пусть учится и наработывает связи в «конторе». Короткие и прочные связи всегда пригодятся. Особенно сейчас, когда мы без пяти минут безработные.

На сборы ушло полдня. Два часа получал документы и деньги. «Камасутра» с ремнем генератора в моем автомобиле занимает полтора часа. Меньше всего времени отнимает Наташкин прощальный поцелуй в засос...

И вот я уже мчу по трассе М-154 на северо-восток.

У меня отличный автомобиль – пятилетний Opel Astra. Хэтчбек с двухлитровым движком и ручной шестиступенчатой механической коробкой. Он резв и послушен; управлять им одно удовольствие – на нем не едешь, а словно плывешь над хорошей дорогой. Достался он мне отнюдь не за бесплатно: чтобы накопить на него, пришлось пять лет батрачить в командировках. Около тридцати боевых операций, три ранения... Нет, конечно, денег за свои командировки я получил больше, чем стоил новый «Опель», но ведь надо было еще и на что-то жить. Подкупал кое-какую мебель в свою однокомнатную квартирку, одежду для себя, обувь; периодически помогал маме, отправляя небольшие переводы. Да, в нормальной стране за столь долгое участие в войне, за ранения, за нечеловеческие бытовые условия – я стал бы миллионером. Но я никогда не жалею о том «счастье, что могло

бы быть, но не случилось». Так или иначе, но иногда в моей жизни происходят незабываемые позитивные моменты. К примеру, та же покупка машины, о которой мечтал несколько лет. Или начало долгожданного отпуска. Или замечательные женские голоса, льющиеся из шести колонок и поднимающие мое и без того отличное настроение. В моей машине имеется целая коллекция по-настоящему замечательных голосов: Девятова, Пелагея, Смольянинова...

Ночь застает на подъезде к Элисте. Темное время суток меня не смущает – я люблю ездить по ночной прохладе, когда легковушки расползаются по городам и весям, оставляя дороги вереницам грузовиков дальнобойщиков. В Элисте планирую остановиться и поужинать, потом предприму рывок до Волгограда. Где-нибудь в тех краях позавтракаю, часиков пять посплю и снова в путь. От Волгограда до Саратова – пять часов, не нарушая скоростного режима...

* * *

Торчу в пробке на спуске с Алтынной горы и нервно барабаню пальцами по рулевому сектору. Чего я нервничаю? И куда спешу? Я же в отпуске!

Издали и сверху Саратов чертовски красив: белоснежные новостройки, красно-зеленые крыши домов, величавая темно-синяя Волга с похожими на крылья чаек пролетами знаменитого автодорожного моста. Однако любование и гор-

досьть вмиг улетучиваются, стоит настрадавшемуся в дороге путнику въехать на узкие неудобные городские улицы. Дороги – у нильского крокодила спина ровнее; теснота, затоптанные и заезженные псевдогазоны, нагромождение запрещающих знаков, отсутствие развязок, вездесущие «зебры» вместо подземных переходов... Первая мысль: местная власть просто в сговоре с ментами! Подлые чиновники нарочно не расширяют дорог, не строят стоянок и парковочных карманов; а менты с надменными рожами зарабатывают на этом беспределе, частично делясь с бюджетом.

Какая прелесть. Здравствуй, малая Родина!

Прав был юморист Хазанов, первым сравнив Саратов с Гадюкино. Конечно, прав, если сейчас мой город этим обидным словцом не назовет только слепой. И отнюдь не из-за хладнокровных гадин – здесь их не намного больше, чем в других местах. А потому, что здесь ровным счетом ничего не меняется в лучшую сторону. НИ-ЧЕ-ГО! Разруха – как после мировой войны. Электричество гаснет каждую неделю, воду отключают трижды в год, улицы не убирают. Всюду грязные ларьки, торгующие «джентльменским набором гопника»: пивом, сигаретами, жвачкой и презервативами. Да и чего ждать от саратовской власти, где вместо профессионализма процветает кумовство? Где культурой заведует бывший мент на пару с женой губернатора, а транспортом – пиццевик, бывший директор пивного завода?.. Хорошо, хоть Швондеры в жилых домах не устраивают певческих концер-

тов. Видать, расползлись по администрациям: районным, городским, областным – там и распевают всласть вместо работы.

Матерюсь, как на Кавказской войне, и медленно продираюсь сквозь бесконечные заторы на железнодорожных переездах, на светофорах и еще черт знает где...

Детство и почти всю юность я прожил в старом, тихом центре – в сумрачной коммуналке с длинным Г-образным коридором, пропахшим мышами и хозяйственным мылом. Когда мне исполнилось шестнадцать, отцу – начальнику цеха авиационного завода неожиданно вручили ключи от новенькой трехкомнатной квартирki. Нас не смутило расположение новостройки – мы были счастливы переехать куда угодно, лишь бы пожить отдельно от соседей. Микрорайон с теплым и светлым названием «Солнечный», выросший на бугристом городском отшибе, сыграл в моей судьбе решающую роль. Здесь я нашел настоящих друзей, встретил первую любовь и стал мужчиной – буквально и в образном смысле. Потом приключилась жестокая история, в которой наша молодежная группировка в массовой драке якобы замочила Хлебопека – лидера досаждавшей нам банды. Короче, мы все оказались в следственном изоляторе. Тогда, признаюсь, я подумал, что жизнь моя закончилась... Но мир не без добрых людей – скоро меня вытащили из СИЗО и избавили от сомнительной чести быть даже свидетелем по громкому уголовному делу. Той же ночью состоялся долгий и тяжелый

разговор с родителями – пока я торчал в СИЗО, они все выяснили о наших похождениях... Решение вызревало долго. И лишь ранним, промозглым утром, повинаясь этому решению, они помогли мне собрать необходимые вещи и отправились провожать на вокзал. Спустя час я трясся в холодном плацкартном вагоне в сторону Рязани – к милой старой бабушке, беззаветно любившей единственного внука. Там, под ее теплой опекой и мягким покровительством, предстояло подготовиться и сдать экзамены за курс средней школы. И та дорога была такой же бесконечной и мучительной. Ночь я не спал – тревожили мысли об оставленных в беде друзьях; из холодного мрака, как и сегодня, издевательски скалилась неизвестность... Да-а... Усмехнувшись, сворачиваю на Белоглинскую. Если бы не решение родителей отправить меня заканчивать выпускной класс в Рязани, то неизвестно, кем бы я стал...

Болезненного урока мне хватило с лихвой. В Рязани я быстро встал на путь истинный и выправил положение: подготовился и сдал экзамены в новой школе, прошел кучу комиссий по линии военкомата, подал документы для поступления в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище. С той поры и началась моя вторая жизнь...

Вот и старенький пятиэтажный дом, куда мне пришлось перевезти маму после скоропостижной смерти отца. Его – внешне всегда здорового, уверенного человека, скрутило быстро и серьезно. Тревожная весть от мамы нашла меня

в Чечне, в каком-то затяжном, бесполезном рейде по пограничным районам. Попутной «вертушкой» я вернулся в гарнизон, собрал все свои сбережения, назанимал у друзей и помчался в Саратов – для срочной операции требовались очень большие деньги. Привезенная сумма оказалась недостаточной, и мы с мамой вновь кинулись занимать... Не успели. Мой отец – умница, трудяга и балагур, способный уладить любой человеческий конфликт, умер, так и не дождавшись помощи от барыги-хирурга. Позже, когда мы немного пришли в себя, мама попросила подыскать ей в центре небольшую квартирку. Оставаться в «Солнечном» – в доме, где прожил последние годы ее любимый и единственный муж, она не хотела...

Почти приехал. Узкий дворик дома на Белоглинской. Внутри двора почти образцовый порядок, поддерживаемый жильцами пятиэтажки. Чистые, утопающие в тени тополей тротуары; ухоженные газоны с разномастными цветочными кустами. Разноцветные деревянные лавочки с неизменными пенсионерами...

Мамы среди них быть не может – она не терпит сплетен и разговоров о болячках. А цветы разводит исключительно дома – зимой на подоконниках, летом – на балконе.

Ищу местечко для парковки. С трудом втискиваюсь меж двух машин, выхожу и замечаю тетрадный листок, прищипленный к стволу дерева. На листке кривыми каракулями начертано: «Машины против подъезда не ставить! Штраф – ло-

патою по лобовому стеклу».

О, это тоже по-нашему. Сорвав листок, направляюсь к подъезду. На траверзе примолкших бабулек замедляю шаг.

– Здравствуйте. Не в курсе, кто автор этого «федерального закона»?

Мои габариты вкупе с грозным командным голосом действуют безотказно. Старушки бесплатно и наперебой сдают всех – начиная от безбожно пьющего дворника и заканчивая сочувствующими ГКЧП. Оказывается, «против подъезда» вьется тропинка к водопроводному крану, куда регулярно шастает дворник – асфальт из шланга сбрызнуть или утолить похмельную жажду. Оттого и устанавливает местные законы.

Взлетаю на третий этаж. На секунду замираю с ладонью у кнопки звонка.

Звоню. Прислушиваюсь... Дома? Или пошла за продуктами на рынок?..

Наконец, слышу за дверью торопливые шаги. И родной голос:

– Кто там?..

* * *

За прошедший год мама почти не изменилась: такая же улыбчивая, неунывающая, работающая; всегда всем довольна, все еще верит в светлое будущее. Поддерживать форму, как

она уверяет, помогает крохотный участок в четыре сотки на левом берегу Волги.

В первый день моего приезда улыбка лишь однажды сошла с ее губ. Вздохнув, мама призналась:

– Пенсию вот на днях прибавили. Правительство подбросило нам на бедность, а за квартиру на столько же и повысили. И продукты каждый месяц дорожают. Уж не знаю, откуда они берут инфляцию в десять процентов. Будто про другую страну говорят...

Я вынимаю из бумажника часть отпускных и кладу на полку старого серванта.

– Мама, это на продукты и на все прочее. Спокойно бери, сколько нужно...

Пару суток я не выхожу из дома: отсыпаюсь, отъедаюсь, обмениваюсь с мамой новостями. На третий день отправляюсь с ней на рынок за продуктами, а по дороге созваниваюсь с младшим братом моего лучшего друга и договариваюсь о встрече.

Пора вспомнить Андрея...

Я жил в самом центре почти миллионного города, Андрюха на его окраине – в Заводском районе. Видимо, поэтому довелось познакомиться лишь в Рязани, при прохождении медицинской комиссии. Сошлись, сдружились очень быстро и все четыре курса уже не расставались. Получив лейтенантские погоны, попали в одну часть, потом вместе перевелись в другую. Позже опять бок о бок воевали в Чечне... В об-

щем, наши с Андрюхой жизненные пути настолько переплелись и сроднились, что мы считали себя уже не друзьями, а братьями.

Четыре года назад мы еще носили погоны младших офицеров.

Очередная командировка. Ханкала. Назревает масштабная операция по ликвидации крупной банды близ грузинской границы. А меня с небольшой группой отправляют в Ингушетию, где при штурме бункера, в котором укрылся главный представитель «Аль-Каиды» на Северном Кавказе – Абу Дзейт, я получаю приличную контузию от взрыва фугаса, пяток мелких осколков в нижние конечности и оказываюсь в больничной палате. Короче говоря, о затяжном бое на перевале, о гибели наших товарищей, о пропаже без вести Андрея Ткача с двумя молодыми бойцами я узнал гораздо позже. Хотелось выть, крошить кулаками стены и убивать, убивать, убивать... покуда не останется никого из этих полумных бородатых фанатиков...

За время службы я хорошо узнал семью друга. Андрей с младшим братом рано лишились родителей. Старший к тому времени носил офицерские погоны, а младший переехал в дом к родной тетке, оформившей над ним опеку. Признаться, Юрка никогда не вызывал у меня симпатии из-за набора качеств, мягко говоря, презираемых в армии. Ехидный, циничный жлоб, склонный к обману и авантюрам, с отвратительной привычкой спорить по любому поводу. И это

притом, что фигура его напоминала «могучее» телосложение кенийского стайера.

Но, как бы там ни было, — после несчастья с Андреем мне пришлось закрыть глаза на свою неприязнь. Четыре года подряд, приезжая в отпуска в Саратов, я регулярно навещаю к суетливой тете Даше и к ее гениальному племяннику, норовящему опозорить криминальными выходками честное имя старшего брата.

— Приветствую героического майора! — скалит ровные зубы Юрка.

— Здорово, пионер лагерный! — Легонько шлепаю по хилу плечу и назидательно поправляю: — Не майора, а подполковника.

— Ты, Паша, наверное, дрожжи ешь на завтрак! Поздравляю...

Я знаю его с малых лет и разрешаю называть меня просто по имени. Правда, иногда он сам с подчеркнутой вежливостью обращается по отчеству. Обычно это означает недовольство.

Мы договорились встретиться у ресторанчика «Пивной завод», что между Горького и Вольской. Вроде самое пекло, а народу на центральной пешеходной зоне — не протолкнуться. Отошли в сторонку, закурили, перекинулись обычными в данной ситуации фразами...

Скоро топтаться на тротуаре надоело. Предлагаю:

— Давай присядем под каким-нибудь зонтом, отметим

встречу?

– Действительно, почему бы двум благородным донам не пропустить пивка? – соглашается Юрка. – Только у меня времени не очень много...

По-моему, он немного нервничает и незаметно косит на циферблат часов. Упали под тентом ближайшего уличного кафе, заказали холодного пива.

– Работу нашел? – сверлю я балбеса взором расстрельной команды.

О его похождениях со взломами виртуальных цифровых паролей и вполне осязаемых стальных сейфов мне известно все, как и о двухлетнем пребывании в колонии, откуда за примерное поведение он был освобожден условно-досрочно. Но, в отличие от наивной Дарьи Семеновны, иллюзий по поводу исправления ее племянничка я не питаю.

– Давно! Устроился сисадмином в одну государственную контору.

– Ну и как? Зарплатой доволен?

– Ты же знаешь – мне много не надо: власть над миром и поесть чего-нибудь, – ржет молодой повеса и бодро затягивает заранее приготовленную песню: – Платят маловато, но жить можно; работа непыльная, коллектив нормальный, полная социалка и даже случаются премии. В общем, пашу, как вол...

Этот репертуар нам известен. Чем ленивее человек, тем больше его труд напоминает подвиг.

– Подружка-то есть?

– В каком смысле?

– В прямом.

– Сколько угодно! Хочешь, тебя познакомлю? С двумя, с тремя?.. Качество гарантирую.

– Не понял. Ты сисадмин или сутенер?

– Одно другому не мешает.

– Жениться думаешь или...

– Хех! – без раздумий реагирует Юрка. – На фиг надо, Паша! Принцессы в каждой подворотне пиво хлещут, а нормальных пацанов вроде меня – раз-два и обчелся. Не-е-е, – мотает он башкой, будто отгоняет бешеных пчел. – Женщины как компьютеры – подождешь еще полгода и поимеешь в два раза круче. К тому же у меня давний корешок есть – Базылев...

Я вскидываю на мальчишку беспокойный взгляд: неужто гомосятина?..

– ...Знаешь, как он отзывается о своей теще?

Фу-ух, пронесло...

Пожимаю плечами: откуда мне знать о перлах какого-то Базылева?

– Моя теща, говорит он, малость смахивает на графа Дракулу: только клыки побольше, глаза поменьше и шерсть из ушей торчит, – громко хохочет Ткач. Потом долго смотрит вслед вихляющей задом красотке и философски замечает: – Да и вообще, Паша... рановато мне обручальное кольцо в

нос вдевать.

Искося поглядываю на ту же задницу и ловлю себя на мысли: мои убеждения относительно мужской свободы мало чем отличаются от Юркиных.

– Ладно, с бабами разбирайся сам. Ну, а что ты собираешься делать дальше?

Он удивленно замирает с поднесенным к губам бокалом. И сбивчиво лепечет:

– Мне надо... Я хотел успеть сегодня в одно место...

– Я в глобальном смысле: в следующем году, в ближайшей пятилетке?

– А-а, – откидывается тот на спинку пластикового стула, – это сложный вопрос. Намереваюсь заработать кучу денег и свалить в свободную страну с мягким субтропическим климатом...

Допиваю пиво, аккуратно ставлю пустую кружку на стол и знаком велю официанту повторить.

– А не боишься расшибить лоб из-за своих амбиций?

Он надменно скалится:

– Амбиций? Хех... Как бы объяснить, попроще?..

– Попробуй. А я уж напрягусь и постараюсь понять.

– Паша, дело в том, что твое поколение неверно толкует многие элементарные понятия.

– Мое поколение? Да ты младше меня и Андрея всего на десяток лет!

– Десять лет – это целая пропасть и достаточный срок для

формирования колоссальной разницы во взглядах, – снисходительно замечает гений криминала. – Взять хотя бы такой пример: вы считаете слово «амбициозный» – негативным, ругательным. А здоровые амбиции – позитивное явление. Да и не только в языке дело. Тут и психология, и менталитет, и быстротечность трансформации нашего общества...

Он такой умный и начитанный, что порой тянет засветить в ухо. Но я не могу: общественность не поймет и внутренний голос осудит. Приходится сдерживаться.

– Знаешь, любезный, слово «гей» придумали обыкновенные пидарасы. Поэтому давай-ка по-простому, по-русски...

Мы заказываем еще пару кружек и лениво спорим. Я что-то говорю о неизменности духовных ценностей. Юрка доказывает необходимость их корректировать и все чаще посматривает на часы...

Допив пиво, прощаемся.

Пожимаю его узкую влажноватую ладонь и спрашиваю в упор:

– Ты ничего не забыл?

Молодой человек опять теряется, будто его застают за мастурбацией в общественном сортире.

– Нет... не знаю...

– А ты подумай. Включи свою феноменальную память.

Глазки беспокойно бегают, пальцы судорожно теребят кнопки мобильного...

И вдруг вспышка озарения.

– Как я мог забыть! – закатывает он глаза к синему небу. – Послезавтра же Андрюхина годовщина!..

– Вот-вот. Надо бы встретиться более основательно и вспомнить Андрея.

– Спасибо, что напомнил, Паша! Я все организую. И тетка будет довольна, и Серафима...

Хм... Иногда в глазах этого сорванца мелькает что-то человеческое.

Возвращаясь домой, несколько раз ловлю себя на одной и той же мысли: кажется, неугомонный Юрка затеял очередную авантюру.

Глава четвертая

Россия, Саратов

Наше время

К назначенному часу я приехал в Заводской район и стою перед дверью в квартиру своего армейского друга. Открывает Юрка; во взгляде смесь надменности и сарказма. Но сейчас не тот случай – он сдержанно кивает и приглашает войти.

В прихожей появляется Серафима – красивая статная брюнетка лет двадцати восьми, так и не успевшая стать законной женой Андрея. Тетя Даша прибежала с кухни на полминутки – обняла, расцеловала, всплакнула и снова отправилась к плите. Юрка подталкивает ко мне хрупкую, как апрельская сосулька, девушку. Коротко постриженные черные волосы, приятная смешливая мордашка с голубоватыми глазами, джинсовая юбчонка длиной «покуда мама разрешает», стройные босые ножки с ровным волжским загаром. Такое впечатление, будто из одежды на ней только юбочка да тонкая просвечивающая футболка. А вместо нижнего белья –

заколка в волосах и ярко покрашенные губы. Типичная представительница «поколения Pepsi».

– Знакомься. Это моя новая блондинка.

Забыв о вечных Юркиных приколах, пытаюсь отыскать хотя бы одну прядь светлых волос на голове девушки. Тщетно. Темна, как украинская ночь.

– Она по содержанию блондинка, а не по форме, – подсказывает Ткач.

Посчитав знакомство состоявшимся, делаю шаг в сторону Серафимы: хочу расспросить ее о жизни, о новостях. Гражданскую жену Андрюхи я все-таки знаю давненько, а Юркин переменный состав меня интересует мало. Однако молоденькая «блондинка» взвешивает мою крупную фигуру уважительным взглядом и бодро протягивает руку.

– Я Ирэн. Юрец много о тебе рассказывал. И о старшем брате тоже.

– Да? – искренне удивляюсь, осторожно пожимая маленькую ладошку. – Старееет наш Юрец – раньше за ним сентиментальности не замечалось...

В прихожей, гостиной и крохотной кухне практически ничего не изменилось. Меньшую из двух отдельных комнат занимает Дарья Семеновна, бóльшую Андрей когда-то делил с младшим братом. И вот уже четыре года в ней безраздельно хозяйничает Юрка, сделавший неплохой ремонт и прикупивший дорогую мебель в современном стиле.

В левом углу гостиной, рядом с выходом на балкон, по-

блескивает черным лаком древнее пианино, принадлежащее хозяйке квартиры. Она давно не играет на нем, а чтобы племянник не доставал с требованием выкинуть ненужный инструмент, использует лакированные поверхности в качестве выставочной площадки. В обычные дни на крышке красуются портреты и групповые изображения далеких предков, родственников, одноклассников и подружек. Сегодня же на ней сиротливо стоят всего две рамки: с фотографиями покойной сестры и Андрея в офицерской форме.

В центре небольшого зала накрыт стол, вокруг несколько разномастных стульев. В углу работает допотопный телевизор, на экране которого поет и нескладно приплясывает какой-то пучеглазый мужик. Болгарин или цыган, один из мужей Аллы Борисовны. Его кордебалет не ко времени – я без раздумий щелкаю выключателем.

Серафима извиняется и уходит на кухню помогать тете Даше.

Потоптавшись в гостиной, перемещаюсь в Юркину комнату; молодежь лениво плетется следом. Комната преобразилась, претерпев качественный ремонт: ровные светлые стены, пластиковое окно, дорогой ламинат, натяжной потолок; сверкающая хромом мебель и навороченная техника...

Оглядевшись, одобрительно ворчу:

– Неплохо живут системные администраторы, неплохо.

– Я всего лишь попросил у Бога денег, но скоро убедился, что это не его метод, – театрально вздыхает юный паяц и,

увлекая за собой девицу, падает на роскошный диван. – Пришлось украсть деньги и попросить у Бога прощения. Представляешь, сработало!

Парочка ржет, я же выдерживаю вопросительную паузу.

– Шутка юмора, Паша, – дает отступного Юрка и демонстрирует холеные белые ладошки: – Все заработано вот этими мозолистыми пролетарскими руками. Не веришь – спроси у тетки...

– Если и верится, то с большим трудом.

– Паша, раз меня выпустили досрочно из зоны, значит, сочли, что я перевоспитался и с прошлым завязал.

– Видишь ли, Юрий... Верить в чудеса я перестал в старшей группе детского сада, когда мы с другом Максом увидели после утренника пьяного Деда Мороза, дравшего на кухонном столе нашу повариху, тетю Асю.

– Представляю вашу трагедию, – прыскает Юрка.

На него находит озарение: шутки сыплются одна за другой. Ирэн самозабвенно слушает бойфренда...

Под его треп я продолжаю беглый осмотр достопримечательностей и замечаю на письменном столе два ноутбука: новенький, ослепительно белый – закрыт крышкой; старенький – привычной черной масти – раскрыт и мерно урчит винтом и кулером. На его экране темнеет страничка с ярко-бирюзовыми надписями. Сверху на стилизованном изображении старинной щеколды слепит яркое название сайта «Клуб любителей замков и накладок»; чуть ниже анонс: «От деревян-

ных ключей египетских фараонов и медных замков древнего Китая до современных кодовых и дактилоскопических панелей электронных замков».

Какая прелесть. Очень занимательная тема, учитывая не слишком честную натуру и наклонности младшего Ткача.

Заинтересовавшись страничкой, склоняюсь над экраном. Но Юрка оказывается рядом и довольно поспешно захлопывает крышку ноутбука.

Моя очередь включать иронию:

– Совершенствуешь навыки медвежатника?

– Паша, ты же знаешь: немецкие сейфы я вскрываю не корысти ради, а в качестве хобби. Из познавательного и спортивного интереса... – лопочет он. И стремительно переводит разговор на другое: – Пошли на балкон – покурим.

Возвращаемся в гостиную, выходим на узкий, но длинный балкон. Закуриваем. Юрка с Ирэн, которая по паспорту обычная Ирина, о чем-то спорят приглушенными голосами; я не вмешиваюсь – облокотившись на перила, затягиваюсь дымком и стараюсь думать о своем...

Не выходит. Шепот набирает децибелы и постепенно переходит в перебранку. Не слышать фраз, переключившись на созерцание дворовых достопримечательностей, попросту не получается.

– По-моему, наши отношения перестают развиваться.

– Ты права. Как насчет анального секса?

– Дурак...

Обычная светская болтовня о высоком.

Потом они вспоминают о Базылеве, выясняют отношения из-за какого-то бывшего футболиста... И мне становится очевидно следующее: наше юное дарование по фамилии Ткач давно уволено с нормальной работы и перебивается случайными или сомнительными заработками.

Затушив в пепельнице окуроч, я решительно поворачиваюсь к Юрке:

– Значит, ты меня разводил, заливая про должность системного администратора?

– Та работа не стоила того хера, который я на нее положил! – в запале огрызается тот.

– Приручив собаку, человек навсегда потерял нюх. Теперь человек приручил компьютер и начинает терять мозг...

– Да пошел ты! – огрызается молодой засранец. – Чего ты лезешь в мою жизнь?!

Сплюнув вниз, интересуюсь:

– Какой у тебя этаж?

– Третий. А что, Павел Аркадьевич, с балкона меня выкинуть собираешься?

– Есть такая мыслишка. Но, думаю, низковато – разлет мозгов будет маленький. Не шедеврально.

– Не так страшна сила, как неадекватность ее владельца, – бурчит Юрка и на всякий случай отходит подальше.

Швырять его за борт я, конечно, не собирался, а вот хорошенько проучить за постоянное вранье и неуважение к

старшим – страсть как охота. Расправу останавливает присутствие девицы да испуганные глазенки с тщедушным телосложением молодого авантюриста. Порой кажется, что его свалит легкий подзатыльник или безобидный щелбан. Еще в такие минуты мне вспоминается мать Андрея с Юркой – добрая, мужественная женщина, долгое время боровшаяся с раком и проигравшая эту борьбу.

– Ладно, на сегодня полет отменяется – зрителей многовато, – оглядываюсь на женские голоса, доносящиеся из комнаты. – Но учти на будущее, молокосос: выкинешь фортель – мозг буду чистить через нос. Или через левый глаз. Усек?

Молодежь в почтительном молчании проскальзывает мимо. У тети Даши что-то не клеится с приготовлением горячего блюда, и я, оставшись в одиночестве у перил с облупившейся коричневой краской, принимаюсь изучать прохожих под невеселые воспоминания чеченской войны...

* * *

За пару лет до начала второй чеченской кампании мы неплохо обжились в районе аэропорта Северный в Грозном. Состав нашей группы постоянно варьировался от тридцати до пятидесяти человек, и тем не менее нам отвели закуток в казарме для рядового и сержантского состава и три двухместных номера в общежитии для офицеров. Официально здесь хозяйничала 46-я Отдельная бригада оперативного назначе-

ния. Мы, спецназ ВДВ, вроде сами по себе, но половину задач выполняли совместно с ними.

К 2005 году в обширном военном городке по соседству со штабом соединения постепенно отстроили казармы, офицерские общежития, кирпичную столовку и баню. К городку подвели электричество, газ, воду; открыли спортзал с современными тренажерами и даже возвели православную часовню.

Наш контингент регулярно менялся: честно отвоевавший три месяца народ убывал к месту постоянной дислокации десантно-штурмовой бригады – лечиться, отдыхать, продолжать службу. На смену приезжали свеженькие, полные сил и решимости ребята. Выполняемых здесь задач хватает: дежурства на КПП, заставах и взводных опорных пунктах; сопровождения транспортных колонн, ликвидация бандформирований и предотвращение терактов; разведывательные рейды и контроль обстановки в приграничных районах. Все это мы неоднократно проходили и отлично знаем...

Итак, в юном месяце феврале 2005 года мы с Андрюхой опять загремели в Чечню, на нашу обжитую базу в районе аэропорта. Холодное темно-серое небо, за окнами общаги носятся ветра и снежные плевки. Короче – тоска и вечное похмелье.

И вдруг навалилась неурочная работенка: по данным ФСБ, из Грузии на территорию Ингушетии собирается просочиться крупная банда кавказских отморожков, разбавлен-

ных арабскими наемниками. Командование объединенной группировки приказывает в кратчайший срок подготовиться и провести операцию по их перехвату и ликвидации на юге республики. Ликвидировать приказано пограничникам, подразделениям 46-й Отдельной бригады, и, в довесок, сватают нас.

Примерно в это же время и опять по линии ФСБ прилетела весть из другой части Ингушетии: на северо-западе республики у селения Кантышево засветился лидер ингушского джамаата, выходец из Кувейта – Абу Дзейт. По разведанным, ранее этот тип прошел подготовку в афганских учебных лагерях «Аль-Каиды» и был направлен в Боснию для организации серии терактов. Позже прибыл на Северный Кавказ. Здесь успел нарисоваться при нападении боевиков на Ингушетию. По некоторым сведениям, имеет косвенное отношение к теракту в Бесланской школе; участвовал в создании на Кавказе исламского «халифата». Короче говоря, международный террорист со стажем, координатор террористической деятельности на Северном Кавказе и просто большая сволочь, по которой давно плачет пуля со стальным сердечником.

У командиров шапки зашевелились – мозг начал работать. Натужно так, но уж как может. В общем, немного поскрипев извилинами, полководцы разбили нашу группу пополам: двадцать человек во главе с Андрюхой отправились к российско-грузинской границе, меня же послали с другой

половиной ликвидировать Абу Дзейта...

16 февраля 2005 года рота внутренних войск, усиленная подразделением ОМОНа и моими парнями, окружила село Кантышево. Командовавшего операцией полковника постоянно дергало вышестоящее начальство – указания по радио сыпались одно за другим. В конце концов он послал всех в жопу, бросил рацию на сиденье «УАЗа» и начал действовать сам. И действовал, надо признать, грамотно: отрезал от Кантышево квартал с обозначенным на карте домом, перекрыл тяжелой техникой дороги, ведущие из села; выставил оцепление, кое-где разместил снайперов. Мне приказал под прикрытием омовцев штурмовать строение с засевшими внутри бандитами.

Настоящий штурм состоялся позже. А ликвидация сподвижников Абу Дзейта, засевших в невзрачном кирпичном доме, оказалась делом быстрым и несложным. Трижды из дома шарахнули гранатометными зарядами, раз десять жажнули из СВД; потом были слышны исключительно автоматные очереди. Перестрелка длилась минут пятнадцать, после чего на любые наши действия ответом была тишина.

Ну и прекрасно.

Прошу у полковника БТР. Тот с пониманием задумки мигом его присылает. БТР таранит ворота с забором, а мои ребята лихо просачиваются в окна и прочие дыры изрядно пострадавшего строения.

После ожесточенной перестрелки вдруг становится тихо.

Только внутри дома слышатся крики.

На полу два окровавленных трупа. Третий «дух» схватился за живот, корчится на полу и орет, мешая чеченские и русские ругательства. Больше никого.

Сверяем рожи убитых и раненого с фото Абу Дзейта. Его среди них нет. Как сквозь землю провалился, сука...

– Мистика, – вытирает со лба пот полковник. – Не мог он проползти через наши кордоны!

Полковника немного жаль. Мужик вроде ничего: толковый, смелый – за спинами пацанов не прячется. Его ребята выносят на улицу мертвых, колют раненому «духу» сильное обезболивающее и укладывают затихшее тело на носилки. Орать и корчиться он перестал, но изредка посылает нам проклятия. Когда его проносят мимо, мой мозг отчего-то напрягается и с бешеным усилием роется в анналах памяти. И вдруг подсказывает: «Раскрой глаза пошире! Приглядишься! Ты же видел эту смуглую бородатую рожу!»

Наморщив лоб, провожаю его взглядом и машинально делаю следом шаг... Меня осеняет в тот момент, когда замечаю окровавленную правую кисть, судорожно сжимающую рану на животе. На указательном и среднем пальцах кисти отсутствуют по две фаланги, и отсечены они не сейчас, не в этом бою, а гораздо раньше.

Эмоции от встречи со старым «знакомым» готовы вырваться наружу, но в ту секунду приходит другое озарение, помешавшее порадоваться встрече.

Наши парни бродят по дому, осматривают комнаты и мебель на предмет схронов и взрывоопасных сюрпризов. И вдруг мой слух улавливает особенность: в углу комнаты, где лежали трупы, имеется небольшое возвышение или приступок, покрытый ковриком – вероятно, место молитв Аллаху. Дважды бойцы ходили по этому возвышению, изучая стены и полки, а стук от каблуков тяжелых спецназовских берц становился звонче и отчетливее.

– А ну-ка, взялись! – Откинув коврик, хватаю за край приступка.

– Ого! – свистит полковник, обнаружив в приоткрывшейся черноте ступеньки. – Погреб, что ли?..

– Похоже...

Он хотел лезть первым. Но я остановил:

– Позвольте мне. Я все же помоложе.

Он повторил попытку стать на первую ступеньку. Я опять удержал.

– Ваш хлипкий бронник прошьет даже «ТТ». Подарите его своему начальству.

Невесело улыбнувшись, полковник уступил. А я направил ствол автомата вниз и начал осторожно нащупывать ногами темные ступеньки...

Секунд через пять внизу рванул фугас – так установили эксперты, изучавшие потом место подрыва. Под домом оказался специально оборудованный бункер для длительного проживания пяти-шести человек с соответствующим за-

пасом провизии, воды, оружия и боеприпасов. Если бы мы не обнаружили странный приступок, то Абу Дзейт спокойно отсиделся бы в этом подземелье и, улучив удобный момент, ушел бы в горы к своим пособникам.

Мне повезло: до взрыва я не успел преодолеть и половины крутой лестницы. Или у араба раньше времени сдали нервы. В общем, осколками наспиговало только мои ноги. Голова и ее содержимое получили приличную контузию от взрывной волны и обрушения внешней стены здания, но зато остались целыми.

Очнулся я на больничной койке на исходе вторых суток. О судьбе же второй группы и моего друга Андрея Ткача товарищи решились сообщить мне через пару недель – когда окончательно пошел на поправку...

* * *

Сидим дружной спаянной семейкой вокруг стола. Во главе Дарья Семеновна, довольная нашим вниманием и немного развратившаяся от рюмки водки. Юрка прикусил свой длинный язык и скорчил серьезную мину. Надолго ли?.. Его подружка вся из себя воздушно-гламурная; говорит медленно, куртуазно и непременно оттопыривает мизинчик, поднося к губам рюмашку. Ну, вылитая Рената Литвинова, только помоложе... Серафима выбрала место рядом со мной. Она больше молчит, грустно рассматривая серебристые пузырь-

ки по краям наполненного минералкой бокала.

– Ты разливай, Пашенька, разливай, – изредка спохватывается тетя Даша, убегает на кухню и возвращается с очередной емкостью салата или жареной рыбы в кляре. – Помянем нашего Андрюшеньку и маму его – сестричку мою ненаглядную.

Разговор за столом стихает, и мы неловко воротим взоры от вытирающей слезы женщины...

У меня сложное чувство по поводу поминок Андрея. Иногда я не верю в смерть своего друга и разговариваю с ним, как с живым. А порой с тяжелым сердцем осознаю, что никогда больше его не увижу.

Из-за этой неопределенности мне не по душе это ежегодное мероприятие, смахивающее на поминки. Зачем поминать человека, если мертвым его не видели? Если нет свидетелей гибели и никто толком не знает, что произошло на перевале?

С другой стороны, останься он каким-то чудом в живых, – разве не подал бы весточки на протяжении четырех лет? Дарья Семеновна долго держалась и разделяла мои сомнения, но постепенно душевные силы иссякли, и ждать старшего из племянников она перестала. А возобновлять обсуждение столь тонкого вопроса не хочется – к чему расстраивать и ранить пожилую женщину? Потому я послушно наполняю рюмки с бокалами, но поминаю только маму Андрея и всех наших погибших товарищей.

- А как это случилось? – шепчет Ирэн, толкая Юрку в бок.
- Отвянь, – кривится тот.
- Ты мне никогда не рассказывал, как погиб твой брат.
- Ну и что! Тебе какое дело?..

Перепалка слышна всем присутствующим.

Удивляюсь бесцеремонности нынешней молодежи, но молчу – я здесь гость. Серафима вздыхает, нервничает и тоже молчит. Она тоже гость – все более редкий и менее значимый...

Наконец, подает голос мудрая тетя Даша:

- Павел, наш Юрий никогда не отличался деликатностью
- Ирина, конечно же, ничего не знает. Ты не мог бы повторить свой рассказ о том дне, когда с Андреем произошло несчастье?

Я откладываю вилку, промокаю салфеткой губы и мельком гляжу на Серафиму. Не тяжело ли ей будет вторично услышать эту историю?

Словно отвечая на бессловесный вопрос, молодая женщина пристально смотрит на меня и кивает.

Соглашаюсь и я:

- Мог бы. Но хочу напомнить: меня в тот день рядом с Андреем не было. А эту историю мне довелось услышать от четверых выживших спецназовцев. Был еще пятый, но он... Он странным образом исчез.

Юрка морщит лоб:

- Э-э-э... Сейчас вспомню его фамилию...

На какой-то миг в гостиной тонкой стрункой натягивается тишина.

И вдруг, опережая мою мысль, в этой гулкой тишине звучит спокойный голос Серафимы. Она произносит фамилию так, будто только и делала, что повторяла ее каждый день.

– Волков. Фамилия того спецназовца – Волков.

Подивившись ее памяти, встаю из-за стола и, шагнув к открытой балконной двери, тяну из пачки сигарету.

– Точно – Волков. Был у нас такой старший сержант: здоровый, молчаливый, задумчивый. Надежный, как скала...

Младший Ткач огорчен сбоем в памяти и спешит реабилитироваться:

– Вспомнил! Сразу после той злополучной операции он написал заявление и уволился. Точно?

– Не совсем. Он не писал заявлений, а подал по команде рапорт. И уволился из армии не сразу, а месяца через три. С тех пор о нем ничего не известно. Ходили слухи, будто уехал к себе на родину и спился... Но это не имеет отношения к делу. Ладно, слушайте – рассказ долгий. Я бы назвал его проклятое место. Или день непредвиденных обстоятельств...

Глава пятая

Россия, Северный Кавказ,

район хребта Юкуруломдук

Февраль 2005 года

Человек романтичный сказал бы так: Крестовый перевал – это дорога, уходящее в небо.

Пунктуальный тип наверняка выразился бы суше и точнее: это один из наиболее удобных переходов через Водораздельный хребет Большого Кавказа. Территориально находится в Северной Грузии и соединяет долины рек Терек и Арагви. Название его пошло от креста на белокаменном постаменте, установленном в 1824 году на высоте 2379 метров.

Бог не наградил меня ни пунктуальностью, ни романтизмом. Поэтому скажу короче: Крестовый перевал – наивысшая точка Военно-Грузинской дороги. Это высокогорье, голые или заснеженные скалы, холод собачий, пронизываю-

щий ветер и другие «прелести» для больных на голову любителей экстрима.

Впрочем, многочисленная банда из Грузии в Россию добираться по шоссе и не собиралась. Конечно, это решение показалось бы свежим и нетривиальным, но вместе с тем – чрезвычайно глупым. Банда планировала незаметно пересечь границу восточнее Военно-Грузинской дороги километров на десять-двенадцать по неглубокому ущелью Шанчоч. Само по себе местечко на границе названия не имело, и, ломая голову над картами, кто-то из наших командиров наткнулся на крохотную надпись «Крестовый перевал». Чем не звучное название для предстоящей операции по ликвидации банды?

16 февраля 2005 года двадцать спецназовцев и стрелковую роту 46-й Отдельной бригады перебросили «вертушками» во Владикавказ; затем на закрытых грузовиках доставили по Военно-Грузинской дороге до окрестностей селения Джейрах. Оттуда наши ребята протопали пехом четыре часа по заснеженным тропам до точки встречи с пограничниками из Назрановского погранотряда. Воссоединившись, сборный отряд подбирался к нужному ущелью под покровом темноты и с максимальной осторожностью, выслав вперед две дозорные группы.

Прибыли затемно. Устали и прилично замерзли.

Ущелье довольно глубокое, его длина – полтора десятка километров. В низовьях покрыто смешанным лесом; по дну

бежит узкая мелкая речушка, название которой по-ингушски звучит «Шан-хи», а официально на картах почему-то пишется «Шандой».

Разбили подобие лагеря. Расставив вокруг дозорные посты, передохнули, подкрепились и даже согрели чайку. Подполковник-пограничник собрал офицеров, кратко повторил задачу и, развернув карту, уточнил позиции для каждого подразделения. Судя по тому, как он жонглировал сложными в произношении местными названиями, эти края были ему хорошо знакомы. Он также поведал о датчиках движения, установленных рядом с тропой, посетовав при этом на зверье и погодные условия, часто становившиеся причинами ложных сигналов. Вкратце упомянул о тропах в соседних ущельях – Ляжги-чоч и Амаль-чоч; а также о необходимости послать в каждое ущелье по небольшой дозорной группе с рациями, чтобы иметь полную картину перед завтрашним боем. Говорил коротко, по делу и в целом производил впечатление грамотного профессионала.

17 февраля с первыми лучами солнца осмотрелись, нашли удобное место для встречи «гостей» – с прогалинами и обширными полянами среди смешанного лесочка на дне ущелья, с густым хвойником на обоих склонах. Слегка окопались в рыхлом снежке, навели марафет с маскировкой, а несколько малочисленных разведгрупп ушли к границе. Снайперы, расчеты ручных пулеметов и гранатометов «АГС-30» обустроили позиции, изучили секторы и прики-

нули дистанции до контрольных ориентиров. В общем, все по-деловому и буднично – как на учениях.

Задумка оригинальностью не отличалась. Да и чего ради городить огород, когда разведка предоставила исчерпывающие данные: «Банда пройдет ущельем Шан-чоч предположительно между семью и четырнадцатью часами 17 февраля сего года...» Все ясно, как божий день. Стрелковая рота в составе трех взводов растянулась на противоположных лесистых склонах. Два отделения пограничников для нейтрализации разведчиков из банды перекрыли ущелье севернее основной позиции, а остальные затаились на вершине гребня, почти у самого рубежа. Их задача – отрезать банде путь к отступлению в Грузию.

Ну, а мы – спецназовцы, почти сливаясь с небольшим выступом, остались с подполковником и двумя радистами, изображая из себя резерв ставки. На случай непредвиденных обстоятельств.

Капитану Ткачу скромная роль статиста в разгроме банды не нравилась. Не привык он – спецназовец до мозга костей – оставаться на вторых ролях, когда рядом решаются боевые задачи. Но приказ есть приказ, придется подчиниться. Ведь непредвиденные обстоятельства на самом деле случаются гораздо чаще, чем нам хотелось бы. Особенно на войне.

Так произошло и в этот раз.

Вначале операция развивалась согласно разработанному плану. Один из дозоров сообщил о появлении небольшой

группы вооруженных людей со стороны грузинской территории.

– Это разведчики, – подмигнул Ткачу подполковник.

Скоро выяснились важные подробности: разведчики «духов» двигаются с юга на север по ущелью Шан-чоч; дистанция между ними и основными силами банды – около километра. Всего в караване насчитывается сто-сто двадцать человек и два десятка вьючных животных; вооружение преимущественно легкое стрелковое, замечено несколько гранатометов и ручных пулеметов.

Для надежности подполковник связался с дозорами, контролирующими тропы в соседних ущельях. Там все спокойно – ни души.

Напряженное ожидание. Томительный отсчет секунд... В зарослях едва заметно движение. Передовой отряд «духов». Этих не трогаем – пусть идут до встречи с пограничниками, перекрывшими ущелье.

Терпеливо ждем подхода основных сил. Наконец, на обрамляющих реку прогалинах появляются десятки боевиков. Шагают уверенно, спокойно – по два-три человека; в новенькой камуфлированной форме, оружие несут по-походному – за спинами или на плечах. Многие в темных очках, в кожаных перчаточках. Фраера недоделанные.

Это на руку – никто из них подвоха не чует.

Подполковник медленно подносит к губам микрофон небольшой рации...

Начали!

Первыми огонь открывают бойцы стрелковой роты, засевшие вдоль склонов. Залп ошеломляет – боевики мечутся по берегу и, не видя противника, лупят куда попало.

Растерянность длится минуты три-четыре, после чего их действия в обороне приобретают более организованный характер: передовая группа бандитов вернулась к основным силам, а те рассредоточились по берегу и заняли наиболее выгодные позиции в «зеленке».

С этого места и начался отсчет непредвиденных обстоятельств.

Взвод пограничников, что тихо сидел на вершине западного гребня у самой границы и должен был заткнуть пробку, в назначенное время скатился по крутому склону и ударил бандитам в спину. Хорошо ударил, грамотно. Да вот беда – минут через десять ударили уже в спины пограничников. То же грамотно и, главное – неожиданно.

Много позже, когда операцию разбирали по минутам, стало ясно: общая численность банды составляла более двухсот человек. На грузинской территории в самый последний момент полевой командир разделил ее на две части и велел им пересекать границу в разное время.

Наша разведка, конечно же, этого знать не могла, и очень скоро «затыкавшие пробку» погранцы оказались между молотом и наковальней: с севера огрызался арьергард боевиков, попавших в засаду, а юга всей мощью напирала свежая,

только что подошедшая их сотня.

Через полчаса кто-то из младших офицеров сообщил: левый фланг стрелковой роты полностью уничтожен; боевики выходят из окружения через образовавшуюся брешь и поднимаются по восточному склону к вершине хребта Юкуруломдук.

И это стало вторым непредвиденным обстоятельством.

– Давай, капитан! Кроме твоих ребят, это уже никто сделать не успеет. Давай! – хлопнул по могучему плечу подполковник.

– Подъем, парни. За мной, – подхватил Ткач автомат и стал быстро взбираться по заснеженному склону.

Решение было следующим: спецназ поднимается на вершину узкого горного хребта Юкуруломдук и ввязывается в бой с вырвавшимися из окружения боевиками, чтобы не успели ускользнуть обратно в Грузию. Продержаться спецназу нужно всего минут двадцать-тридцать: за это время подполковник обещал перегруппировать силы и отправить наверх подкрепление.

Так замышлялось в идеале. А на самом деле все получилось наперекосяк.

Во-первых, чертов хребет состоял из череды трехтысячников, снег и ледяные шапки на которых не успевали таять даже летом. Во-вторых, эта зима особенно расщедрилась на осадки – толщина снежного покрова на склоне местами достигала полутора метров. И, что было хуже всего, боевики

начали восхождение раньше и намного опередили спецназ...

Большие проблемы в тот день свалились не только на пограничников и бойцов левого фланга стрелковой роты. Стоило бойцам спецназа завершить тяжелое восхождение, как они тут же нарвались на «духов». Трех положили без особого труда, зато привлекли стрельбой остальных.

Судя по всему, возвращаться в Грузию бандиты и не думали. Прорвавшись на хребет, они хотели обойти наши подразделения и ударить сверху. По крайней мере, так подсказывали Андрею опыт и интуиция. Удайся им этот маневр, и на операции «Крестовый перевал» можно было поставить большой и жирный крест. А так весь удар приняли на себя спецназовцы.

Первый наскок отбили. Осмотрелись, рассредоточились. Живой силы противника на верхотуре собралось немного – человек пятнадцать. Но вскоре стало ясно, что снизу и с юга подтягиваются другие боевики.

– А где же наше подкрепление? – тоскливо спросил молодой лейтенант. – Подполковник же обещал...

Покусывая губы, Ткач приказал:

– Бери половину бойцов и занимай позицию здесь.

– Зачем?!

– Подкрепление, которое ты ждешь, полезет по протоптанной нами тропе. Понял?

– Понял. А вы?

– Надо растянуть позицию, чтоб нас не взяли в клещи.

Мы отойдем немного к восточному склону, а ты постарайся удержать тропу. Просто удержи тропу, лейтенант, понял?

– Понял. Постараемся...

Андрей кликнул девятерых бойцов, и группа стала ползком перемещаться влево...

Перестрелка на вершине узкого горного хребта Юкуруломдук то угасала, то вспыхивала с новой силой. Лейтенант-то удержался, а вот Ткачу приходилось туго. Он потерял четверых, но не прекращал маневрировать, отвлекая на себя все больше и больше «духов». Позже завязалась рукопашная, в результате которой еще два спецназовца остались лежать на снегу. В какой-то момент остатки крохотного отряда оказались сначала сброшенными на восточный склон, а затем и плотно зажатыми в кольцо. Настолько зажатыми, что надежд на спасение практически не было.

А дальше случилось последнее из серии «непредвиденных обстоятельств»...

Подполковника, приведшего на вершину подкрепление, встретили четверо: лейтенант и три спеца из его группы.

Яркое солнце и слепящая белизна чистого снега, полный штиль и абсолютное безмолвие. Ни стрельбы, ни криков.

– Что? Что произошло?! – изумленно оглядывался вокруг подполковник.

Губы лейтенанта тряслись. То ли от холода, то ли от испуга.

– Лавина, – выдавил он севшим голосом. – Пару минут на-

зад внизу грохнул взрыв, с вершины восточного склона сорвался огромный пласт снега и...

– Лавина?

– Так точно. Всех накрыло. Всех до одного... И наших парней, и «духов»...

Глава шестая

Россия, Саратов-Москва

Наше время

Справедливости ради следует уточнить: младший Ткач не был результатом эволюционного брака – быдлоподобным гопником или уродливым мужланом с запрограммированным сознанием антиобщественного элемента. Он уродился вполне нормальным человеком, а не с убеждениями профессионального преступника или тунеядца. Просто сильные духом способны не опускаться, несмотря на окружающий беспредел, и идти прямой дорогой. Другие же, поглядев вокруг, удивленно пожимают плечами: «а чем я хуже?» И покорно сворачивают налево...

Выйдя за ворота колонии и вдохнув пьянящий воздух свободы, Юрка вновь почувствовал себя молодым, талантливым и полным сил. Вернувшись в родной Саратов, он попытался восстановиться на неоконченный четвертый курс в один местный университет, во второй, в третий... Все усилия оказались тщетны. Зачем ректорам и деканам проблемные сту-

денты с уголовным прошлым? Никого здесь не интересовали хорошие характеристики из зоны, условно-досрочное освобождение за примерное поведение и высокие показатели на производстве.

Поначалу его это не смутило.

В зоне была неплохая библиотека с возможностью выписывать свеженькую компьютерную литературу. Ткач ее регулярно почитывал и был в курсе всех новинок в области языков программирования, «железа» и софта. Спрос на программистов в колонии был слабоватым, поэтому пришлось освоить несколько смежных направлений. К примеру, специальности токаря и слесаря-инструментальщика. Новые профессии дались легко, ведь многое из данной области Юрка почерпнул при подготовке к взлому раритетного немецкого сейфа.

Кремировав идею закончить процесс получения высшего образования, он нашел в себе силы сделать второй шаг в правильном направлении: устроился в несколько государственных контор присматривать за работой серверов и сплетенных вокруг них сеток. Этаким приходящим системным администратором. Однако обязанностей навалили по уши, а платили гроши. Исходя из вышесказанного, Юрка усердствовал недолго.

Зачем? Ради чего?.. Безраздельно властвуя в офисах с введенными ему сетями, он частенько сталкивался с фактами, приводившими, мягко говоря, в изумление. Какие-то соро-

калетные кобылицы из районной администрации с сомнительным образованием, не ведавшие разницы между принтером и сканером, спотыкавшиеся в действиях с простыми числами и не поднимавшие в своей жизни ничего тяжелее канцелярского степлера, ежемесячно «срубали» по тридцать-сорок тысяч и хвастали скорой льготной пенсией в размере восьмидесяти процентов от этих неких зарплат. Такая благодать господня не снилась ни одному шахтеру с черными от угольной пыли лицами, ни заслуженному сталевару, полжизни «отзагоравшему» у мартеновской печи, ни одному профессору, воспитавшему плеяду блестящих ученых. И ни одному вояке, честно исполнявшему свой долг на Кавказе под бандитскими пулями.

Нет, конечно же, Ткач не был утопистом, не верил во всеобщую гармонию и отлично знал, что окружающий мир состоит из досадных парадоксов. Концлагеря, к примеру, придумали англичане, а в Нюрнберге за них судили немцев. Но это было далеко и давненько. А диссонанс несправедливого распределения материальных благ рвал и продолжает рвать на части собственную черепную коробку. Депутаты с чиновниками всех мастей нагло и цинично обворовывают его каждый день; жизнь уходит, а позитивных перемен не видно даже на уровне горизонта.

Вот и плюнул бедный Юрик на совесть, взяв на вооружение основное правило техники безопасности: «Не работай – не пострадаешь». Меньше всего он хотел следовать совету

Дарьи Семеновны «поступать на должность» и превращаться с годами в обычного, обманутого всеми работягу – тощего мужика с залысинами, гастритом и долгами за коммунальные услуги. В пятницу Ткач представлял себя немного мусульманином, в субботу – немного иудеем, в воскресенье – немного христианином. В остальные дни недели просто не хотел честно трудиться.

В такой неопределенности и подвешенном состоянии он просуществовал около полугода – именно столько ему потребовалось времени, чтобы накопить на современный резвый ноутбук. А заполучив его, уже третий хакер вновь вернулся к написанию троянских программ с последующими кражами с электронных счетов. Делал он это с хладнокровной осторожностью, не жадничая и не повторяясь; в недрах крупных и влиятельных коммерческих структур не совался, слишком много не крал. Несколько раз для поддержания формы менял специализацию и вскрывал серьезные сейфы. Правда, теперь он ими занимался не ради спортивного интереса, а исключительно ради денег.

Сотрудники Управления «К» – специального подразделения по борьбе с преступлениями в области информационных технологий – не дремали. Постепенно город наводнился слухами о группе неуловимых саратовских хакеров и банде медвежатников, беспощадно расправляющихся с сейфами любой степени защиты. Далеко не глупый Юрка стал отчетливо осознавать, что если не сменить профиль своей кри-

минальной деятельности, то в скором будущем появится реальный шанс вторично загреметь за решетку.

Приостановив свой промысел, он принялся размышлять...

Честно говоря, ему давно хотелось сорвать большой куш и надолго «залечь на дно», уехав в теплую европейскую страну. Однако сложность данного замысла заключалась в том, что украсть МНОГО без серьезных последствий было невозможно – «кашники» в первую очередь занимались крупными махинациями, в которых Юркины коллеги-хакеры из жадности лихо «нагревали» богатые организации, включая западные банки. Только скромность аппетита помогла ему оставаться в тени и до поры избегать заслуженного наказания. Та же скромность мешала и осуществить свою заветную мечту. Вот и гадал Юрка, как бы потехничнее обойти это противоречие...

Мучительные размышления завершились рождением весьма интересной идеи.

– А что если разок поступиться принципами и сколотить дружную команду для экспроприации очень большой денежной суммы? – тихо шептал он, расхаживая по своей комнате. – Причем сделать это нужно без помощи Интернета и, разумеется, не в нищем Саратове. Потом разбежаться в разные стороны и навсегда свалить из этой страны. Черт, хорошая мысль. Надо над ней поработать...

И он поработал. А ровно через неделю встретил в кварта-

ле от дома Базылева – давнего школьного друга. Пообщавшись с ними часок за пивком, Юрка с радостью обнаружил, что нашел товарища по несчастью, единомышленника и верного кандидата на участие в предстоящей операции.

* * *

Базылев сидел за рулем новенькой белой «Нивы» и возбужденно рассказывал о чем-то малозначительном:

– ...Мля, в той рекламе, наверное, двадцать пятый кадр мелькает, и мой мозг истошно захотел эту фигню – представляешь? Хорошо, что я его никогда не слушаю...

Юрка молчаливо смотрел на дорогу, делая вид, будто сопереживает другу. На самом деле его мозг напряженно работал, этап за этапом прогоняя разработанную операцию и отыскивая в ней малейшие недоработки.

Ткач с Базылевым учились в параллельных классах, жили в разных кварталах. Знали друг друга в лицо, много раз сталкивались в школьных коридорах и столовке, но по-настоящему познакомились и сдружились в областной инфекционной больнице, куда их обоих угораздило попасть с легкой формой гепатита. Базылев был немного полноват, неловок, учился кое-как и особенных талантов не выказывал. Юрка оценил его покладистый, мягкий характер, простоту и доверчивость и взялся помогать в решении самых трудных домашних заданий. Видимо, Ткач оказался одним из немногих, кто

посчитал Базылева равным, не насмеялся над неуклюжей фигурой и «успехами» в учебе. И тот отплатил Юрке привязанностью, а однажды, не побоявшись численного преимущества, кинулся в школьном дворе в драку за нового друга... После выпускного вечера их пути надолго разошлись. Базылев рано женился, окончил какие-то курсы и батрачил в двух местах, отрабатывая кредит, на который купил новую «Ниву». Семья ютилась в съемной комнатухе и перспектив в этом плане в ближайшие лет сто не имела. У нас ведь всегда рулят крайности: чтоб перебраться в новое хорошее жилье, нужно быть либо вором, либо святым, выносящим раненых из сошедшего с рельсов поезда. Третьего не дано.

Но Базылев оставался самим собой и не унывал. Он вообще мало изменился. Книг, как и прежде, не читал; в Интернет заходил только за порнушкой; по телеку смотрел мультики и до сих пор считал Нидерланды с Голландией разными странами. Будто в Нидерландах – каналы, футбол и тюльпаны, а в Голландии – пиво, наркота и голубые. Юрке же пробелы в его образовании были до фонаря. Для него главным было то, что Базылев не умеет фальшивить и никогда не предаст.

– ...У нас козел один поселился этажом выше и весь дом достал своей сигнализацией. Я недавно полночи слушал вой, а утром знаешь, что сделал?

– Бросил с балкона кирпич?

– Не, ну, какой из меня экстремист? – рассмеялся Баз. –

Просто поставил на крышу его «десятки» открытую канистру с остатками бензина и положил рядом коробок спичек. Представляешь, подействовало! Теперь он паркует свою тачку в другом дворе.

– Символичность в сочетании обычных предметов дает устойчивый эффект. Это мне знакомо.

– Красиво излагаешь. У меня бы так не получилось.

Разговор прервался звонком сотового телефона. Ткач посмотрел на экран и не стал отвечать. Телефон замолк, но через минуту ожил снова, и хозяин попросту сбросил звонок.

Потом долго молчал и смотрел на дорогу...

– Кто это, Юр? – поинтересовался Баз.

– А-а... – поморщился тот. – Давний друг семьи. Приехал в отпуск и пытается меня перевоспитывать.

– Ясно. О чем задумался?

– Последние детали извилинами полирую. Как говорится, хочешь обмануть по-крупному – будь точен в мелочах.

Поглядывая в зеркало заднего вида, Базылев довольно ухмыльнулся:

– Это верно...

За ними ехал новенький серебристый «Форд», которому, как и «Ниве», отведена солидная роль в предстоящей афере. В салоне «американца» находились три молодых парня – Толик, Мухин и Гобой. Все трое – надежные друзья Юрки и Базылева.

Компания выехала из Саратова во второй половине дня

и без спешки направила по Петровскому тракту на север. На выезде из Пензы сделали короткий привал: поужинали, покурили, посоветовались. И рванули по трассе М-5 на северо-запад с таким расчетом, чтобы ранним утром въехать в Московскую область...

– Я вспомнил еще одну мантру про «счастливую» жизнь. – Юрка отчего-то уставился назад.

– Какую?

– Пашешь из года в год, пашешь... В конце концов, жизнь вроде бы налаживается. И все уже есть: высокооплачиваемая работа, домик с лужайкой в престижном районе, машинка за тридцать тысяч евро...

– Так в чем прикол-то? – с сомнением покосился на него Базылев.

– В том, что тебе уже семьдесят!

– Если доживешь, счастливчик...

На выезде из Пензы Базылев уступил Ткачу место за рулем и теперь надоедливо зудел в правое ухо. Ткач не возражал – скоро стемнеет, и отвлекаться от дороги, предаваясь размышлениям, ни к чему. Опыт вождения у него был небольшой – будучи студентом московского вуза, успел купить подержанный «Мерседес», когда удачно обчистил несколько банковских счетов. Но толком поехать не успел – загремел в колонию.

Друг схомячил третий по счету чебурек, они купили дюжину в придорожном кафе. Для него вообще пожрать было

– на первом месте, что, впрочем, не уменьшало других достоинств.

– Я тоже слышал одну присказку, – попытался говорить он с набитым ртом. – Из той же серии...

– Давай.

Базылев проглотил последний кусок.

– Короче, сначала мы хвастаемся – дескать, ни фиги не учим, а сессию сдаем. Потом – что ни фиги не делаем, а получаем. А в старости жалуемся, что приходится платить каким-то мудакам, которые ничего еще и не делают.

Юрка громко заржал.

– Кстати, о старости, Баз! Нас ведь ждет очень прикольная старость!

– Думаешь? – потянулся тот к следующему чебуреку.

– Представь, сколько будет вокруг старых кошелок с пирсингом в сиськах и с татуировками на сморщенных спинах!

Друзья долго еще смеялись, позабыв об опасности, поджидающей их завтра в столице. Да что там завтра! Риск оказаться в наручниках был уже сегодня, прямо сейчас. Сзади в салоне на плечиках висели аккуратные костюмчики – типа, парни едут по делам, в командировку. А под костюмами запрятана форма офицеров противопожарной охраны МЧС. Наткнись кто-то на мундиры при досмотре машины – Юрка с Базылевым отбрешутся, показав филигранно подделанные удостоверения сотрудников МЧС. А вот по поводу содержимого планшетной папки на заднем сиденье «Нивы» имеются

громадные сомнения...

Вернувшись к действительности, Юрка посмотрел в зеркало, вздохнул и озабоченно потер ладонью щеку.

– Ты чего? – забеспокоился друг.

– Или мне кажется, или эта «Audi» догоняет нас второй раз.

Базылев обернулся и долго смотрел сквозь заднее стекло.

– Какая «Audi»?

– «ТТ». Сейчас ее «Форд» закрывает...

– А, вижу! Шоколадка. С бронзовым отливом. – Базылев повернулся на своем месте и с сомнением скривил губы: – Пока ехали от Саратова до Пензы, никакой «Audi» не видел.

– Наверное, показалось...

Да, видимо, показалось. Операция Юркой была тщательно продумана, все этапы подготовки проводились столь скрытно, что позавидовала бы любая спецслужба. Участники (а их ровно пятеро) – люди не тупые и надежные – болтать с кем попало не станут.

Юрка – мозг и стратег. Никто этого в их компании и не оспаривает. Друзья – такие же отчаявшиеся и не ждущие ничего от жизни.

Толик – бывший футболист саратовского «Сокола»; около трех лет назад заработал на тренировках травму мениска, после нескольких операций вернуться в команду мастеров не получилось: во-первых, беспокоило колено, а конкуренты прибавляли и в физике, и в технике; а во-вторых, от

былого «Сокола», некогда игравшего в высшем дивизионе, остались одни воспоминания. Весь спорт к тому времени сосредоточился в Москве, Питере, Казани и Сочи. Впрочем, к клубу Толик претензий не имел – команда честно оплатила операции, рассчиталась со всеми долгами по зарплате. На эти деньги он и купил годовалый «Форд». А потом начались проблемы: поменял несколько профессий, но заработков едва хватало на еду и самые необходимые вещи.

Мухин окончил Саратовский авиационный колледж, работал по специальности на авиационном заводе и даже собирался поступать в технический университет. Однако известнейший на всю страну завод постигла та же участь, что и большинство других саратовских предприятий после банкротства – приехала мощная строительная техника и сравняла с землей корпуса, готовя площадку под возведение очередного торгово-развлекательного комплекса с брендовым, набившим оскомину названием. Мухин оказался на улице и после пары лет бесплодных усилий прибил к компании живших по соседству парней.

Гобой (в миру – Сашка) неплохо играл на черной деревянной дудке со сложным механизмом блестящих клапанов. Из-за этого инструмента к Сашке и прицепилась короткая звучная кликуха. Музыцировал он поочередно в нескольких коллективах. Окончив Саратовскую государственную консерваторию, устроился во второй состав Академического симфонического оркестра областной филармонии имени Альфре-

да Шнитке. Продолжил в первом составе оркестра Саратовского театра оперы и балета. А завершил карьеру музыканта в одном из центральных ресторанов, развлекающих богатых клиентов живой музыкой. Оттуда ушел и с тех пор ни разу не брал в руки инструмент...

Никто из ребят не был убежденным приверженцем криминала, никто не имел предков с уголовным стажем. Просто каждый самостоятельно и своим путем пришел к невестелым умозаклучениям: совестьливость, образование, талант являются в нашей стране эконоически невыгодными качествами; быть производителем чего-либо и пытаться честно заработать – это в России моветон и скорее исключение из правил. Куда целесообразней и престижней купить «доходное место» – должность чиновника. Или стать «вампиром» – инспектирующим контролером производителя. А еще проще – тупо красть, если не хочешь связывать себя должностными обязанностями, постоянным местом работы и прочим геморроем.

Каждый утратил значимую частичку собственной души, ответственную за веру в порядочность и в свое счастливое будущее. Потому и согласились на предложение Ткача и Базылева.

Ознакомившись с планом предстоящей операции, Юркины друзья удивились: всё гениальное – просто. Затем обговорили детали, кое-что подправили, заучили роли и провели несколько настоящих репетиций. Потом подсчитали бухгал-

терию: скинулись на бензин и форму, на оплату левого заказа полиграфисту Башке.

И с легкой душой отправились в Москву...

Под утро, когда черноту на востоке разбавили светлые всполохи, позади за окном осталась Коломна. Километров через двадцать машины сбавили скорость и свернули на боковую асфальтовую дорогу. В утреннем тумане друзья нашли какой-то лесок; попетляв узкой грунтовкой, наткнулись на просеку и вскоре остановились посреди узкой поляны.

Небо едва светлело, но водители на всякий случай выключили фары с габаритами.

– Покурить успеем? – потянувшись, Толик вылез из «Форда» и отошел по нужде.

– Потом покурим. Поднимайте Гобоя и переодевайтесь, пока мы занимаемся «Нивой», – скомандовал Юрка.

Вскоре уже на капоте внедорожника лежала планшетная папка. Ткач с товарищем сортировал ее содержимое: влево откладывал милицейскую атрибутику, направо – атрибутику МЧС. Все пластиковые самоклеящиеся элементы были защищены прозрачной пленкой и подписаны.

– Левое заднее крыло, – схватил Юрка наклейку.

Базылев подбежал к названной автомобильной детали, и пока товарищ снимал защитную пленку, вытер пыль с кузова. Через минуту на левом крыле красовалась эмчээсовская оранжевая полоса с синей вставкой посередине.

– Молоток, Башка! Все сделал точно по размерам, – оце-

нил Ткач. – Держи, Баз. Это продолжение полосы – на левую заднюю дверь.

Превращение частных автомобилей в служебные отняло около часа. Зато по истечении этого времени на продолговатой поляне стоял новенький милицейский «Форд». На синей полосе в районе передней дверцы блестело в робких лучах утреннего солнца белое слово «Милиция», под ним – красный московский герб. Ниже на темно-серебристом фоне задней двери крупными синими буквами было выведено: «МОСКВА». Под ними тоже синим, но чуть мельче: «УВД ЦАО».

– Никогда не думал, что придется ездить на ментовозе! – изумился Мухин.

– А наша что, хуже? – сунул ногу в штанину форменных брюк Базылев.

– И ваша – нормалек!..

Посредством манипуляций с наклейками белая «Шевроле Нива» трансформировалась в оперативный автомобиль государственного пожарного надзора МЧС. Все было, как положено: оранжево-синие полосы по бокам, разбавленные белой аббревиатурой «МЧС», и здоровый синий круг на капоте с восьмиугольной звездой по центру.

– Жаль, мигалок нет, – посетовал Толик, осмотрев результаты их трудов.

– Черт с ними, с мигалками. Ими оборудованы не все машины, – ответил Базылев, ковыряясь в багажнике. – Зато

есть настоящие номера. Держите!

– Ни фиги себе! Правда – настоящие?

Подавая Мухину пару синих государственных регистрационных знаков, Базылев хитро прищурился:

– А как ты определишь разницу? Водяных знаков на них нет, а краска с металлом – те же...

Спустя двадцать минут обе машины с обновленными «интерфейсами» подъехали к трассе М-5. Базылев не имел привычки нагло и без надобности нарушать правила, поэтому остановился на второстепенной дороге, включил поворотник и пропустил идущий по главной транспорт. Однако первый же грузовик почтительно притормозил и мигнул дальним светом: выезжай.

– Эт нам, штоль? – выпучил глаза добродушный толстяк.

– Нам-нам, – ухмыльнулся Ткач, – привыкай.

– ...Красота! – просиял Баз, оставив позади очередной пост ДПС. – В твоей идее воспользоваться формой и служебными машинами имеется огромный плюс. Проехали половину Московской области и Москвы, а нас ни разу не остановили!

Юрка сверил курс с навигатором.

– В любом плюсе всегда есть пара минусов, – пробормотал он и показал на поворот: – Здесь. Так... Теперь два квартала прямо.

– Понял. А что за минусы?

– Срок дадут больше. Если поймают... Черт!

– Что стряслось?

– Немного опережаем график. Давай в тот карман – стоим минут десять...

Отыскав прореху, «Форд» с «Нивой» причалили к тротуару; Базылев неторопливо вышел, поднял крышку капота и стал копать в движке. Изображая ремонт, проще скоротать время.

– Скоро? – приоткрыв дверцу, спросил Ткач.

Понятливый Баз отпраповал:

– Готово!

Автомобили развернулись, покидая временное пристанище. Вдруг Юрка зашептал:

– Стой!

Товарищ послушно нажал на тормоз.

– Ты чего?

– Опять та «Audi». «ТТшка» с бронзовым отливом...

– Брось, – промычал Базылев. – Здесь таких «Audi» в каждом квартале по десятку.

– Возможно. Поехали...

Поехали дальше. До цели осталось совсем немного.

– Перестраивайся в правый ряд, – подсказал Юрка. – За перекрестком катимся двести метров. Хорошо... Справа высокое серое здание – видишь?

– Ага.

– Мы на месте. Тормози...

Кортеж подкатил к солидному зданию и, не обращая вни-

мания на присутствие охранника и грозный знак, разрешающий стоянку только автомобилям местной коммерческой структуры, по-хозяйски занял свободные места.

Щуплый «ботаник» Гобой меньше других был похож на мента. В форме лейтенанта милиции он оставался присматривать за обстановкой снаружи. Два других «милиционера» солидно вышли из машины и вместе с двумя «сотрудниками» МЧС направились к парадному входу ОАО «Московская нефтяная компания Глобал-Петролеум».

– Нам нужен генеральный директор или лицо, его замещающее, – предъявляя свое удостоверение охране, уверенно сказал Ткач. – И, пожалуйста, побыстрее.

Часть II

Волков

Пролог

Германия, Нойхаммер

Ноябрь 1941 – май 1942 года

В конце тридцатых годов Александр Ананьевич Чхенкели стал понемногу разочаровываться в жизни. Его отец к своему двадцатипятилетию успел добиться многого: известности, блестящей карьеры юриста, признания в среде социал-демократического движения на Кавказе. А что успел сделать к своим двадцати пяти Александр? Ровным счетом ничего, что удовлетворило бы безмерное тщеславие молодого человека, в жилах которого текла кровь настоящего горца.

Скорее всего, неудовлетворенность и жажда прославиться и сподвигли его отправиться в одну из лучших разведшкол абвера, расположенную под Парижем. В школе внезап-

но пришло осознание: он создан для разведки, диверсий и прочих шпионских штук. Выказывая рвение и делая несомненные успехи, он стремительно продвинулся из рядовых курсантов до обер-ефрейтора. Спустя полгода напряженной учебы на торжественном построении всем выпускникам разведшколы вручали погоны унтер-офицеров, а для Чхенкели сделали редкое исключение – он сразу стал фельдфебелем...

Во Францию Александр попал 20 лет назад вместе с родителями. Отец – Ананий Иванович Чхенкели – был уважаемым на Кавказе человеком. Юрист, литератор, политик, социал-демократ, депутат IV Государственной Думы. В 1918 году он занял пост председателя правительства Закавказской Федеративной Демократической Республики, затем стал министром иностранных дел. А с февраля 1921-го уже отправился во Францию послом Грузинской Демократической Республики. Мать Александра носила редкое грузинское имя Маркине и слыла мягкой, обаятельной женщиной, внезапно умерла в тридцать третьем от чахотки. Младший из рода Чхенкели воспитывался в духе ненависти и неприязни не только большевизма, но и всего, связанного с Россией. Ведь, по убеждениям отца, именно Россия отняла у них родину весной двадцать первого года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.